

A man with a beard, wearing a dark trench coat and a fedora hat, holds a lit cigarette in his right hand. He is standing in a narrow, cobblestone alleyway with buildings on either side. The scene is dimly lit, with a strong light source from the right creating a long shadow on the ground. The overall mood is mysterious and noir.

МАГНУС РИДОЛЬФ

ДЖЕК ВЭНС

Джек Вэнс

Магнус Ридольф

«Издательские решения»

Вэнс Д.

Магнус Ридольф / Д. Вэнс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903931-6

Истории о Магнусе Ридольфе, написанные с 1948 по 1957 годы, создали запоминающийся образ изобретательного и сообразительного сыщика со стальными нервами, умеющего решить поставленную задачу с выгодой для себя.

ISBN 978-5-44-903931-6

© Вэнс Д.

© Издательские решения

Содержание

Злополучные рудники	6
Кратчайший путь до Санаториса	16
Некондиционные сардины	29
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Магнус Ридольф

Джек Вэнс

Переводчик Александр Фет

Дизайнер обложки Yvonne Less

© Джек Вэнс, 2019

© Александр Фет, перевод, 2019

© Yvonne Less, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4490-3931-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Злополучные рудники

«Решая задачу, я формулирую и рассматриваю все поддающиеся представлению предпосылки. Если каждая из них влечет за собой невозможное сочетание выводов – за исключением одной, последствия которой всего лишь маловероятны – эта единственная гипотеза, несмотря на ее беспрецедентность, неизбежно соответствует действительности».
– Магнус Ридольф

Управление суперинтенданта Джеймса Рогга находилось на вершине пологого округлого возвышения, на участке рудника А. Из полукруглого окна его кабинета можно было наблюдать за происходившим на обоих участках, А и Б, до самой приливной полосы – дальше простирался океан причудливого оттенка.

Повернувшись к окну, Рогг сидел в кресле, торопливо и нервно постукивая пальцами по столу. Внезапно вскочив на ноги, он принялся расхаживать по кабинету, выпятив подбородок, выдающийся наподобие лопаты – высокий и тощий человек с черными глазами, блестящими на обветренном костлявом лице.

Суперинтендант нажал кнопку под телеэкраном и ждал, слегка наклонившись вперед и не отпуская утопленную пальцем кнопку. Ответа не было. Экран тихо жужжал, но оставался непроницаемо пепельно-серым.

Рогг сжал кулаки: «До чего все опустились! Никто даже не позаботится ответить на вызов!»

Как только он отошел в сторону, однако, экран засветился. Рогг сразу повернулся к экрану, заложив руки за спину: «Так что же?»

«Прошу прощения, господин Рогг, только что нашли еще одного», – произнес запыхавшийся стажер-механик.

Рогг напрягся: «Где, на этот раз?»

«В душевой. Он мылся после смены».

Рогг в отчаянии развел руками: «Сколько раз я говорил им не принимать душ в одиночку! Клянусь Денебом, не могу же я быть везде одновременно! Неужели у них не хватает мозгов, чтобы...» Его прервали – кто-то постучал. Дверь приоткрылась, в кабинет заглянул табельщик: «Почтовое судно приземляется, господин Рогг».

Рогг сделал шаг к двери, обернулся: «Займись этим, Келли. Ты несешь всю ответственность!»

Стажер моргнул и начал оправдываться: «Как я могу...» Но он обращался к спине уходящего начальника – в ту же секунду кабинет опустел. Пробормотав нечто неразборчивое, механик отключил связь.

Рогг вышел на берег – слишком рано: звездолет все еще выглядел, как черная точка в лиловато-синем небе. Наконец судно опустилось на блестящий серый песок, поднимая облака дыма и громко шипя. Как только воздух прояснился, Рогг подошел к трапу, но ему пришлось подождать еще несколько минут, пока команда освобождалась от амортизирующих ремней.

Рогг переминался с ноги на ногу, поглядывая по сторонам, как возбужденная скаковая лошадь. Изнутри корабля слышался приглушенный металлический лязг; шарнирные болты повернулись, со вздохом открылся входной люк – Рогг поморщился и невольно отступил на пару шагов: ему в лицо дохнул поток теплого воздуха, насыщенный запахами горячего масла, человеческого пота, карболки и краски.

Из люка выглянуло круглое багровое лицо.

«Привет, доктор! – позвал Рогг. – Все готово?»

«Никаких микробов! – отозвалась багровая физиономия. – Чисто, как в церковной школе».

«Так выходите же!»

Раскрасневшийся медик разглядывал суперинтенданта, как птица – отстраненно, но настороженно: «Вы куда-то торопитесь?»

Приподняв голову, Рогг вызывающе встретился с врачом глазами. Багровая физиономия исчезла, люк открылся шире, и на верхнюю площадку трапа выступил приземистый дородный субъект в синих шортах. Спускаясь по лестнице, он приветствовал суперинтенданта взмахом руки.

«Как дела, Джулич? – поинтересовался Рогг, заглядывая за спину капитана в открытый люк. – Пассажиры есть?»

«Тринадцать человек к вам на замену. Бульдозеристы, пара слесарей – их тошнило от невесомости всю дорогу».

Рогг фыркнул и на мгновение отвернулся: «Всего тринадцать? За последний месяц я потерял тридцать три человека, да будет вам известно! Вы подобрали в Звездной Гавани агента МБР?»

Капитан с любопытством покосился на суперинтенданта: «Он на борту. Похоже на то, что вы не на шутку беспокоитесь».

«Беспокоюсь?! – Рогг мрачно оскалился. – Вы тоже беспокоились бы, если бы каждый день находили на борту два или три трупа».

Капитан Джулич прищурился: «Так это правда?» Он обвел взглядом два высоких утеса над рудниками А и Б, беспорядочные скопления барачных и мастерских под утесами: «В Гавани ходили слухи, но я...» Помолчав, он прибавил: «Кто мог бы этим заниматься? Никаких подозрений?»

«Никто ничего не понимает. Несомненно, это какой-то маньяк, но каждый раз, когда мы начинаем за кем-нибудь следить, убийство совершает кто-то другой, в другом месте. Мы на месяц отстаем от графика. Две недели тому назад я связался по радио с МБР».

Джулич указал кивком на люк звездолета: «Вот он».

Рогг хотел было сделать шаг навстречу, но остановился и недоуменно моргнул. По лестнице спускался человек среднего роста, ничем не примечательного телосложения, уже пожилой, с тонким прямым носом, беловолосый, с небольшой белой бородкой.

Рогг бросил взгляд на капитана – тот ответил насмешливым пожатием плеч. Суперинтендент снова повернулся к новоприбывшему. Старик безмятежно разглядывал блестящий серый пляж и мерцающий молочно-белый океан.

Втянув голову в костлявые плечи, Рогг приблизился к нему и хрипловато произнес: «Позвольте представиться... Джеймс Рогг, суперинтендент». Старик обернулся – на Рогга смотрели большие голубые глаза, невинные и прозрачные.

«Меня зовут Магнус Ридольф, – сказал старик. – Насколько я понимаю, вы столкнулись с проблемой?»

«Да, – отступив на шаг, Рогг смерил Ридольфа взглядом в головы до ног. – Я ожидал встретить агента Межпланетного бюро расследований».

Магнус Ридольф кивнул: «Я делал пересадку в Звездной Гавани, и коммодор попросил меня посетить ваши рудники. Официально я не зачислен в штат Службы, но сделаю все, что смогу, чтобы оказать вам содействие».

Рогг сжал зубы, глядя в морскую даль. Наконец он снова повернулся к Ридольфу: «Ситуация такова. Кто-то убивает моих работников, и я не знаю, кто. Весь персонал деморализован. Я приказал всему персоналу никуда не ходить по одному – и все равно их убивают!»

Магнус Ридольф перевел взгляд с пляжа на холмы за утесами – пологие, округлые, покрытые блестящей растительностью всех оттенков черного, серого и белого.

«Не могли бы вы познакомить меня с обстановкой в рабочем поселке?»

Рогг колебался: «Вы готовы приступить к этому сразу? Не желаете сначала немного отдохнуть?»

«Я готов».

Рогг повернулся к капитану: «Встретимся за ужином, Джулич? Если, конечно, вы не желаете нас сопровождать».

Капитан Джулич задумался: «Одну минуту, я скажу помощнику, что буду на берегу». Он взобрался по лестнице в звездолет.

Магнус Ридольф разглядывал ленивые валы молочно-белого океана, переливавшиеся мерцанием так, словно они были подсвечены изнутри: «Планктон?»

Рогг кивнул: «Интенсивно люминесцентный. По ночам океан сияет, как расплавленный металл».

«Красивая планета, – заметил Ридольф. – Похожа на Землю, но здесь совсем другая, странная цветовая гамма».

«Верно, – согласился Рогг. – Каждый раз, когда я смотрю на холмы, местный ландшафт напоминает мне исключительно сложную гравюру на стали... все эти оттенки серой листвы...»

«Здесь есть какая-нибудь фауна?»

«Да, мы заметили тварей, напоминающих пантер, здесь множество четвероруких обезьян, водятся грызуны нескольких разновидностей».

«Но разумных аборигенов нет?»

Рогг покачал головой: «Насколько известно на сегодняшний день – нет. Причем мы вели разведку почти по всей территории планеты».

«Сколько людей работают в рудниках?»

«Примерно тысяча сто человек, – ответил Рогг. – Восемьсот на участке А, и еще триста – на участке Б. Убийца орудует на руднике Б. Я подумываю о том, чтобы вообще прекратить там работы».

Магнус Ридольф дернул себя за бородку: «Убийства наблюдаются только на территории рудника Б? А вы пробовали полностью заменить персонал на этом участке?»

Рогг кивнул, бросив взгляд на огромный отвал руды, подготовленной к переработке на участке Б: «Конечно, заменил всех до одного. Тем не менее, убийства продолжаются – в закрытых на замок помещениях, в душевых, в туалетах – везде, где человек остается один хотя бы на пару минут».

«Дело выглядит так, как будто вы потревожили какого-то злобного духа, обитающего на участке Б», – заметил Ридольф.

Рогг фыркнул: «Если вы имеете в виду призрака, не могу с вами не согласиться. Происходящее можно объяснить только проделками нечистой силы. Уже четыре раза человек был задушен в комнате, закрытой на замок изнутри, где не было никаких других входов и выходов, кроме перегороденного решеткой вентиляционного отверстия диаметром десять сантиметров. Мы тщательно обыскали все помещения, даже просеяли каждый кубометр воздуха мелкой сетью, на всякий случай. Безрезультатно!»

Капитан Джулич спустился по лестнице звездолета и присоединился к Роггу и Ридольфу. Втроем они направились по плотному серому песку пляжа к руднику А, где на фоне пологих холмов возвышался обрывистый утес.

«Руда залегает под основанием утеса, почти на уровне земли, – объяснял по пути Рогг. – Взрывники обрушают пустую породу, после чего ее перемещают бульдозерами к морю. Когда работы закончатся, этот небольшой залив будет практически засыпан, а утес исчезнет – его полностью сравняют».

«На участке Б работы ведутся таким же образом? – спросил Ридольф. – Насколько я понимаю, там наблюдается сходная формация».

«Да, примерно так же. На участке Б пустую породу сваливают в овраг между холмами. По окончании разработки залежи – если ее удастся завершить – овраг длиной в полтора километра будет засыпан, и колонисты смогут использовать ровную поверхность отвала для застройки».

Они поднялись с пляжа по наклонному отрогу скалы. Суперинтендант подвел спутников к краю лесной чащи, начинавшейся метрах в двадцати.

«Хочу кое-что вам показать, – сказал Рогг. – Вы таких фруктов еще никогда не видели». Он остановился у блестящего черного ствола и сорвал один из красных шарообразных плодов, висевших над самой головой. «Попробуйте!» – предложил он, надкусив мягкую кожуру.

Магнус Ридольф и капитан последовали его примеру.

«Действительно, неплохо!» – похвалил старик.

«На участке Б они не растут, – с сожалением заметил суперинтендант. – Только в этой роще. Вообще, рудник Б – самый неудачный участок на всем месторождении. Там пантеры и обезьяны нападали на работников, пока мы не окружили весь участок стальным ограждением. Здесь, на участке А, их отпугивают густые заросли шиповатого кустарника».

Его внимание привлек какой-то шорох в листве. Присмотревшись, Рогг воскликнул: «Смотрите-ка! Там обезьяна!» Вглянув туда, куда указывал суперинтендант, Магнус Ридольф и капитан заметили мохнатый черный торс и уродливое лицо с красными глазами и клыкастой пастью. Наблюдавшая за ними тварь тихо зашипела и вызывающе двинулась вперед. Ридольф и капитан испуганно отпрыгнули.

Рогг рассмеялся: «Не бойтесь! Здесь она не посмеет напасть».

Обезьяна с ревом рванулась вперед, но тут же остановилось, рассекла воздух мощной рукой и снова взревела. Еще раз прыгнув вперед, она снова застыла на месте, после чего отступила с жалобным воем.

Рогг бросил в обезьяну косточку, оставшуюся от фрукта: «На участке Б она уже всех нас прикончила бы». Вглядываясь в листву, он погрозил черной твари кулаком: «Кыш! Убирайся отсюда, дьявольская образина!» Роггу пришлось срочно пригнуться – над его головой пролетел увесистый сук.

«Судя по всему, это существо отличается относительно высоким уровнем интеллекта», – предположил Магнус Ридольф.

«Ммфф! – Рогг почесал в затылке. – Как вам сказать... может быть. На участке Б мы убили одну обезьяну – у нас на глазах две другие вырыли для нее могилу под деревом и похоронили».

Голубые глаза Ридольфа сосредоточились на лесной чаще: «Я мог бы предложить вам способ прекратить убийства».

Рогг недоуменно повернулся к нему лицом: «Какой?»

«Произведите топографическую съемку местности вокруг обоих рудников и окружите рудники стальным ограждением под высоким напряжением – так, чтобы оба участка находились в полутора километрах от периметра – после чего очистите всю защищенную территорию от растительности».

Суперинтендант не понял: «Но каким образом...» У него на поясе зажужжала рация – Рогг включил ее привычным движением.

Послышался голос: «Босс!»

«Слушаю!» – рявкнул Рогг.

«Бригадир литейщиков, Джелсон, отдал концы».

Рогг повернулся к Ридольфу и капитану Джуличу: «Пойдемте – сами увидите!»

Через десять минут они стояли, глядя на обнаженное тело бригадира Джелсона. Он только что принимал душ – на коже погибшего еще блестели капли воды. У него на шее багровел начинавший синеть кольцевой кровоподтек, глаза его выпучились, язык вывалился изо рта.

«Он сидел с нами в раздевалке, – торопливо рассказывал рыжий механик. – Мы ничего и никого не видели. Джелсон пошел в душ. И мы слышали, как он шлепнулся – вот таким его и нашли!»

Рогг повернулся к Магнусу Ридольфу: «Видите, что тут происходит? Вы все еще думаете, что ограда помешает убийце?»

Ридольф размышлял, поглаживая ладонью белую бородку: «Если я не ошибаюсь, сегодня вечером на участке рудника А будет совершена попытка еще одного убийства».

Челюсть суперинтенданта слегка отвисла, но он тут же закрыл рот. Из-за его спины доносились всхлипывания разрыдавшегося рыжего механика.

«На руднике А? Каким образом? Почему вы так думаете?»

«Надеюсь, что никто не погибнет, – продолжал Ридольф. – В самом деле, если я ошибаюсь, и моя гипотеза основана на недостаточном понимании возможностей, вполне вероятно, что меня никто не попытается убить». Старик задумчиво рассматривал труп бригадира: «Возможно, я переоцениваю побуждения и способности убийцы».

Рогг повернулся к механику и буркнул: «Позовите санитаров!»

Они вернулись на участок А в джипе, и суперинтендант пригласил капитана Джулича и Магнуса Ридольфа поужинать у него в квартире.

«Очистить территорию от растительности нетрудно, – сказал он Ридольфу. – Но я не могу понять, почему вы считаете, что это чему-то поможет».

Магнус Ридольф невесело улыбнулся: «У меня есть другое предложение».

«И в чем оно заключается?»

«Наденьте на каждого работника широкий стальной ошейник».

Рогг фыркнул: «Тогда убийца начнет проламывать черепа или прибегнет к отравлениям».

«Проламывать черепа? Не думаю. Отравления, конечно, возможны, – Ридольф оторвал ягоду величиной со сливу от лежавшей перед ним пурпурной грозди. – Например, такой фрукт очень легко отравить».

«Но почему? Зачем? – воскликнул Рогг. – Каждую ночь я ломаю над этим голову, но не могу ничего придумать – кроме того, что среди нас завелся сумасшедший убийца».

Магнус Ридольф снова улыбнулся и покачал головой: «Не могу с вами согласиться. На мой взгляд, убийства совершаются с простой, вполне определенной целью. Все это настолько просто, что, возможно, именно по этой причине вы не понимаете происходящее».

Рогг хмыкнул, недовольный доброжелательно-снисходительным тоном старика: «Предположим, сегодня вечером вас убьют – что тогда?»

«Тогда вы убедитесь в том, что мои рекомендации были основаны на достоверном анализе проблемы – и последуете этим рекомендациям».

Суперинтендант снова хмыкнул – на некоторое время наступило молчание.

«Сколько времени займет завершение вашего проекта?» – спросил Магнус Ридольф.

Рогг нахмурился и посмотрел в окно – туда, где за серой, черной и белой листвой деревьев и кустарника ровная, словно проведенная по линейке черта горизонта разделяла ярко-белое море и темно-синее небо: «Примерно пять лет – если кто-нибудь еще согласится здесь работать. Еще неделя таких убийств, и подрядчики расторгнут контракт».

Капитан Джулич усмехнулся. Рогг устремил на него пронзительный взгляд черных глаз.

«Мне уже пришлось отказать двадцати рабочим в проезде до Звездной Гавани», – пояснил капитан.

«До этого дошло? Они плевать хотели на договор? – Рогг шумно вздохнул. – Назовите мне их имена, я им покажу, где раки зимуют!»

Капитан рассмеялся и покачал головой.

Суперинтендант нажал кнопку, чтобы вызвать стюарда, в то же время скептически поглядывая на белобородого мудреца: «Так вы думаете, что ваша жизнь в опасности?»

«Если я буду достаточно осторожен, опасностью можно пренебречь», – спокойно ответил Ридольф.

«До сих пор на руднике А не было никаких убийств».

«По вполне понятной причине – если моя гипотеза верна. Позволю себе заметить также, что причина эта более чем очевидна».

Рогг откинулся на спинку стула и поджал губы: «Не знаю, о чем вы говорите. Никаких очевидных причин для происходящего я не вижу – а я занимался этой проблемой, собирая и анализируя все возможные сведения почти ежедневно с тех пор, как мы приступили к работам на руднике Б».

«Возможно, вам следовало бы взглянуть на эту проблему со стороны, не принимая ее слишком близко к сердцу, – сказал Магнус Ридольф. – Не забывайте, что мы не на Земле». Старик устремил на собеседника безмятежный взгляд больших прозрачных глаз: «Здесь преобладают другие условия, как психологические, так и биологические – то есть, по сути дела, причинно-следственные связи отличаются от тех, к которым мы привыкли».

Ридольф встал и вышел из столовой. Рогг тут же вскочил и принялся расхаживать взад и вперед, постукивая по ладони левой руки кулаком правой.

«Самодовольный старый козел!» – прошипел сквозь зубы Рогг и покосился на капитана Джулича. Тот усмехнулся, но продолжал молча сидеть с рюмкой ликера в руке. «Это же просто неслыханно! – обратился к нему Рогг. – Я здесь работаю уже семь месяцев, мне приходится иметь дело с необъяснимыми убийствами буквально днем и ночью – а тут, понимаешь, прилетает какой-то субъект и делает выводы уже через час! Неописуемая наглость! Пойду, свяжусь со Звездной Гаванью сию минуту! Я просил их прислать агента МБР, а не туриста!» Рогг направился к двери.

Капитан Джулич поднялся из-за стола: «Суперинтендант, я посоветовал бы вам...» Но Рогг уже удалился. Джулич последовал за высокой, размашисто шагающей фигурой, скрывшейся в рубке связи. Постучавшись и не получив никакого ответа, капитан потихоньку зашел внутрь.

Рогг гневно кричал, обращаясь к телеэкрану, на котором подрагивало слегка замутненное космическими помехами лицо директора Межпланетного бюро расследований: «Он посоветовал мне окружить рудники оградой под напряжением, поужинал и отправился спать! Кому все это нужно?»

Наступила короткая пауза – даже почти мгновенная гиперпространственная передача сообщений занимала какое-то время. Рогг уставился в подмигивающий экран, напряженно вытянув шею, как черепаха, заинтересованная одуванчиком. Громкоговоритель тихо жужжал и потрескивал.

Наконец послышался голос директора МБР: «Суперинтендант Рогг! Настоятельно советую вам прислушаться к рекомендациям Магнуса Ридольфа. Насколько я понимаю, вам исключительно повезло – в том, что он оказался под рукой и согласился вам помочь».

Изображение на экране погасло. Рогг отвернулся, глядя куда-то в пространство и словно не замечая стоящего поблизости капитана. Капитан Джулич подошел и похлопал его по напряженно застывшему плечу: «Если бы вы меня спросили, я сказал бы вам то же самое».

Рогг резко повернулся к нему: «Почему все так доверяют этому Магнусу Ридольфу? Кто он такой?»

Капитан Джулич развел руками: «Магнус Ридольф – выдающийся математик».

«И каким образом так получилось, что он выполняет поручения МБР? Почему именно его попросили расследовать убийства на рудниках? Убийцу не остановишь логарифмической линейкой!»

Джулич улыбнулся: «Логарифмическая линейка у него в голове».

Рогг повернулся и медленно направился к выходу из рубки: «Но почему директор прислал ко мне математика?»

Джулич пожал плечами: «Насколько мне известно, он у них выполняет функцию частного консультанта-детектива – нечто в этом роде».

Рогг поиграл в воздухе длинными белыми пальцами: «Что, если он прав? Что, если сегодня ночью его убьют?»

Навстречу спешил стюард; он что-то прошептал начальнику на ухо. Рогг расправил плечи и поджал тонкие губы: «Разумеется. Принесите ему все, что потребуется».

Рогг и капитан Джулич вернулись в квартиру суперинтенданта.

Тем временем, покинув столовую, Магнус Ридольф удалился в отведенную ему комнату, закрыл дверь на замок и задумчиво осмотрел помещение. Одна стена представляла собой сплошную панель из поляризующегося стекла – за стеклом росли два высоких дерева с остроконечными серыми и черными листьями. Дальше виднелся пологий склон холма, спускавшийся к берегу бледно светящегося океана.

Наступала ночь – небо нависло беззвездным черным пологом над мягко сияющей, как подсвеченный пергамент, морской гладью.

Ридольф повернулся, снова посмотрел вокруг. Невозможно было отрицать, что в комнате больше никого не было. Справа находилась койка, а за открытой дверью ванной блестела керамическая плитка.

Магнус Ридольф прикрыл дверь, ведущую в ванную, затемнил прозрачную панель стены и нажал кнопку вызова стюарда.

«Принесите мне – и побыстрее, пожалуйста – небольшой аккумулятор, моток глохромовой проволоки, метров семь, и три рулона толстой изоляционной ленты», – попросил стюарда Ридольф.

Стюард удивленно поднял брови, но тут же согласился, вышел и закрыл за собой дверь.

Магнус Ридольф стоял спиной к двери и ждал, задумчиво поглядывая на стены. Через некоторое время стюард вернулся с аккумулятором, проволокой и рулонами изоляционной ленты, после чего Ридольф снял тунику и приготовился лечь – но в этот момент ему внезапно пришла в голову какая-то мысль. Он прошелся вдоль стен, внимательно их разглядывая и ошупывая, после чего снова надел тунику и вызвал стюарда.

«Есть в этом здании какое-нибудь помещение с металлическими стенами и металлической дверью?» – спросил Ридольф.

Стюард моргнул: «Есть – холодильная камера».

Магнус Ридольф кивнул: «Проведите меня туда».

Вскоре он вернулся в спальню, но при этом едва передвигал ноги, потому что теперь его конечности были обмотаны изоляционной лентой. Ридольф деполяризовал стеклянную панель стены, и комната озарилась бледным светом, исходившим из океана. Он выбрал один из стульев, сел на него и стал ждать.

Прошел примерно час – веки Магнуса Ридольфа невольно сомкнулись. Он заснул.

Встрепенувшись, он открыл глаза, ощущая недовольство собой. Неужели он ошибся в выводах? Почему... Ридольф замер, напрягая слух, медленно повернулся на стуле, взглянул в сторону ванной – но не заметил ничего необычного и снова расслабился.

Стебли, крепкие, как витые кабели, захлестнули его, сжимая лодыжки, грудь и горло с неумолимой, пугающей силой.

Магнус Ридольф мгновенно отреагировал, инстинктивно пытаясь оторвать путы пальцами. Но дисциплинированный ум быстро возобладал. Ридольф нажал большим пальцем ноги на переключатель, спрятанный в ботинке. Витки глохромовой проволоки, защищавшей его предплечья и ноги под одеждой, поверх слоев изоляционной ленты, тут же накалились до синевы, разрезая ткань подобно десяткам бритв и озаряя стены жаркими сполохами.

Стебли, обхватившие его ноги и предплечья, разорвались. Ридольф выхватил из-за пояса нож и стал рубить жесткую петлю, стянувшуюся у него на шее. С истерической энергией человека, жизнь которого висит на волоске, он пилил, резал, строгал – и, наконец, почувствовал, как стебель стал неохотно ослабевать под лезвием.

Нож перерезал последние волокна – жгут удавки распался. Магнус Ридольф судорожно вздохнул. Держась за спинку стула, он встал и, пошатываясь, прислонился спиной к стене – у него перед глазами были все необходимые улики попытки удушения.

Ридольф вызвал стюарда: «Приведите сюда Рогга – сию минуту!»

Рогг прибежал, неуклюже шлепая ступнями длинных тощих ног: «Что такое, что случилось?»

«Смотрите сами!» – Ридольф указал на пол.

Рогг на секунду застыл, после чего нагнулся и подобрал обрывок стебля.

«Ничего не понимаю», – хрипло пробормотал он.

«Все совершенно ясно, – отозвался Магнус Ридольф. – По сути дела, не могло быть никак иначе – такова логика событий. Вы сами неизбежно пришли бы к тому же выводу, если бы хоть в какой-то степени упорядочили ход своих мыслей».

Рогг уставился на старика горящими от гнева глазами. «Я был бы очень благодарен, – натянуто произнес он, – если бы вы сооблаговолили мне объяснить, что тут произошло».

«С удовольствием все объясню, – сказал Ридольф. – Прежде всего, с самого начала было очевидно, что убийства совершались для того, чтобы воспрепятствовать разработке рудника Б. Но преступником не был какой-то гипотетический маньяк, так как убийства продолжались после того, как вы заменили весь персонал. Я спросил себя: «Кому могло быть выгодно прекращение работ на участке Б?» Бесспорно, эту «заинтересованную сторону» несколько не беспокоили работы на руднике А, где ничто не мешало добыче руды и перемещению пустой породы. Таким образом, важно было понять, чем отличались два рудника.

На первый взгляд, рудники А и Б почти одинаковы. На обоих участках вырабатываются залежи под вулканическими останцами примерно одинаковой высоты, лишенными всякого растительного покрова. Единственное различие заключается в том, что на участке А пустую породу и хвосты сбрасывают в море, а на участке Б ими засыпают заросший кустарником и деревьями овраг». Магнус Ридольф посмотрел в лицо суперинтенданту, все еще находившемуся в состоянии раздраженного недоумения: «Теперь у вас есть все фактические обстоятельства, позволяющие найти однозначное решение задачи, не так ли?»

Рогг закусил губу.

«Вопрос состоял в следующем, – спокойно продолжал Ридольф. – Кому или чему наносят ущерб работы на руднике Б, но не наносят никакого ущерба, или даже полезны, работы на руднике А? Ответ напрашивается сам собой: деревьям!»

«Деревьям?!» – изумленно переспросил Рогг.

Магнус Ридольф кивнул: «Я рассмотрел ситуацию с учетом такой гипотезы. На руднике А деревья предлагают вам съедобные фрукты и создают барьер, отпугивающий диких животных. На руднике Б нет ни плодоносящих деревьев, ни естественных ограждений. Деревья стимулируют разработку месторождения на участке А, так как удаление вулканического утеса и засыпка залива пустой породой предоставляют им дополнительные площади для размножения и устраняют препятствие, загораживающее солнечный свет. Деревья одобряют такую деятельность».

«Вы допускаете, что деревья руководствуются разумными соображениями?» – потрясенно спросил суперинтендант.

«Разумеется! – подтвердил Ридольф. – Альтернативы нет! Я предупреждал вас: не следовало ожидать, что условия на этой планете будут такими же, как на Земле. Вы сами видели, как обезьяны хоронили соплеменника под деревом. Несомненно, деревья каким-то образом поощ-

ряют такие полезные для них погребения, удобряющие почву – побуждают или принуждают обезьян к этому, вознаграждают их за это – на этот счет возможны различные предположения. Так или иначе, я решил, что за семь месяцев деревья, если они действительно разумны, научились понимать человеческую речь. В присутствии дерева я порекомендовал очистить от растительности большую территорию, то есть совершить массовое убийство деревьев. Естественно, деревья стали рассматривать меня как угрозу своему существованию – как человека, которого необходимо устранить. Сегодня вечером имела место попытка такого устранения».

«Но каким образом? – недоумевал Рогг. – Дерево не может проникнуть в здание и набросить человеку петлю на шею!»

«Не может, – согласился Ридольф. – Но у дерева есть корни, а в каждом помещении на рудниках есть какое-нибудь сливное или вентиляционное отверстие, какая-нибудь лазейка. Скорее всего, в деревянных панелях каждой комнаты скрываются органы наблюдения – миниатюрные глаза и уши. Окружающие заросли следят за каждым нашим шагом, за каждым нашим словом. Подозреваю, что в данный момент они готовятся убить нас обоих – возможно, отравляющим газом или...»

Раздался громкий треск – расщепилась доска. В полу образовалась глубокая темная трещина; из нее развернулся, как шланг, матово-коричневый отросток. Извиваясь и похлестывая по полу, корень пополз к Роггу и Ридольфу.

«Подождите! – спокойно сказал Магнус Ридольф. – Подождите. Вы – разумные существа. Выслушайте меня».

Толстый корень не остановился.

«Подождите! – так же спокойно повторил Ридольф. – Вырубка деревьев отменяется, а пустую породу будут сбрасывать в залив».

Корень задержался, его приподнятый конец покачивался в воздухе.

«Подлые твари!» – потрясенно выдохнул Рогг.

«Туземная флора всего лишь обороняется от пришельцев, угрожающих ее существованию, – возразил Магнус Ридольф. – Сотрудничество может оказаться взаимовыгодным».

Он снова обратился к отростку дерева: «В дальнейшем деревья не будут допускать животных на территорию рудника Б и станут выращивать фрукты на этом участке, а люди не будут наносить деревьям никакого ущерба. Всю пустую породу будут отвозить к берегу и сваливать в море. Кроме того, придут другие люди. Они выяснят, в чем заключаются ваши потребности, и разьяснят свои пожелания. Взаимопомощь будет выгодна и вам, и людям. Люди могут орошать и удобрять скудную почву, препятствовать размножению насекомых-паразитов. Деревья могут находить залежи полезных ископаемых, синтезировать сложные органические соединения, выращивать фрукты». Ридольф замолчал. Корень опустился и неподвижно лежал на полу.

«Если вы понимаете и одобряете такую программу, пусть корень втянется под землю», – сказал Магнус Ридольф.

Корень восторженно задрожал. Извиваясь, он пополз обратно к трещине в полу и с шорохом втянулся в нее. Наступила тишина.

Магнус Ридольф повернулся к оцепеневшему суперинтенданту: «Убийств больше не будет».

Рогг словно очнулся от сна наяву. Он сделал шаг вперед, мрачно разглядывая расщелину в полу: «Десятки людей погибли! Неужели убийства останутся безнаказанными? Нам пришлось пережить столько трагедий, мучительных беспокойств...»

Ридольф смерил его холодным презрительным взглядом: «Разве вы не приказали вырубать десятки деревьев?»

Суперинтендант упрямо качал головой: «Перевозка отвалов к заливу потребует дополнительных расходов. Сомневаюсь, что владельцы рудников согласятся за это платить. Мы

могли бы расчистить бульдозерами весь район и регулярно выжигать новые поросли напалмом...» Встретившись глазами с Ридольфом, Рогг осекся.

«Думаю, что вы проявляете склонность к недальновидной и бессмысленной жестокости, – сказал Магнус Ридольф. – Кроме того, вы предлагаете нарушать закон. По существу, вы не годитесь на должность руководителя проекта».

Рогг нахмурился: «О каком законе вы говорите?»

«Закон об охране и поддержке дружественных автохтонов вступил в силу более тридцати лет тому назад».

Рогг промолчал.

«Вы обязаны неукоснительно соблюдать этот закон. В противном случае мне придется подать запрос о вашем увольнении».

Рогг отвел глаза в сторону. «Возможно, вы правы», – пробормотал он.

Послышался шорох. Рогг и Ридольф одновременно повернулись к трещине в полу. У них на глазах расщепленные волокна дерева странным образом выравнивались и срачивались, восстанавливая ровную гладкую поверхность. Там, где раньше темнела расщелина, на полу блеснул небольшой кристалл. Магнус Ридольф подошел к кристаллу, поднял его и, не говоря ни слова, показал Роггу: горящий кроваво-красным огнем самоцвет почти идеальной многогранной формы, неровный только с той стороны, где он был отломан от субстрата.

«Рубин, насколько я понимаю», – сказал Магнус Ридольф. Покосившись на потрясенного суперинтенданта, Ридольф вернулся к безмятежному созерцанию драгоценности.

Кратчайший путь до Санаториса

«В конечном счете пристрастие к азартным играм объясняется пассивностью, безволием, безответственностью; азартный игрок относится к той презренной, бесхребетной породе людей, которые безропотно отдаются на волю капризного случая. Сравните такое поведение с действиями человека решительного, владеющего собой: он не идет на поводу у судьбы. Он придерживается заранее установленного курса, манипулирует переменными параметрами и вместо того, чтобы плыть по течению в направлении, предрешенном превратностями бытия, сам создает закономерности, способствующие достижению его целей».

– Магнус Ридольф

Магнус Ридольф нередко нуждался в деньгах, так как практически ни в чем себе не отказывал, не располагая при этом регулярным доходом. Не будучи человеком, склонным к прилежанию, он испытывал отвращение к однообразной будничной работе, в связи с чем ему приходилось иметь дело с каждым очередным кредитным кризисом по мере его наступления – что его вполне устраивало. Прецизионный логический механизм его мозга работал параллельно с редкостным воображением, простиравшимся в необъятные дали пространства и времени, каковые дарованные природой таланты он использовал не только для того, чтобы математически формулировать и упорядочивать фактические обстоятельства, но и с целью поддержания финансового благополучия.

За многие годы он разработал несколько методов, позволявших делать деньги. Первый такой метод был, в принципе, исключительно прост. Наблюдая за окружающим миром, через некоторое время Ридольф замечал какое-либо упущение. Непродолжительное размышление позволяло ему предложить способ устранения убыточного недостатка – таким образом, совершенствуя Вселенную, Магнус Ридольф, как правило, умудрялся одновременно пополнить свой банковский счет.

В других случаях он выполнял поручения частного характера, иногда выступая в качестве неофициального агента Межпланетного бюро расследований, где его белоснежная шевелюра, аккуратная белая борода, невозмутимый беспристрастный взгляд и непритязательные манеры заслужили известность и высоко ценились.

Время от времени Ридольф посещал тот или иной из роскошных игорных домов, рассредоточенных по планетам Содружества, неприметно сливаясь с толпой состоятельных посетителей, спешивших транжирить свои богатства. При этом он ни в коей мере не полагался на удачу; напротив, своей методичной бесстрастностью он напоминал скорее сборщика налогов. Невозможно отрицать, однако, что Ридольф испытывал некое мрачное удовлетворение в процессе экспроприации активов гангстеров-нуворишей, не позволявшей последним выдвигать какие-либо возражения.

Так называемая «планета развлечений», Веер, находилась за установленными пределами Содружества, но не настолько далеко, чтобы не подвергаться влиянию МБР. Именно на Веер прибыл Магнус Ридольф, когда программа изучения проявлений телепатии опустошила его кошелек. Милитта, крупнейший город и космический порт Веера, занимала окраину плодородного полуострова в теплых широтах – здесь Акко Мэй повелевал своим «Пассажем прихотливой Фортуны», окруженным не столь знаменитыми казино, борделями, тавернами, ресторанами, отелями и сводчатыми торговыми галереями.

На третий день после приземления в космопорте Магнус Ридольф направился к «Пассажу прихотливой Фортуны» с небольшим чемоданчиком в руке. Пройдя через распахнувшуюся перед ним огромную двустворчатую стеклянную дверь, он задержался в большом молчаливом вестибюле с декоративной обшивкой стен в стиле «вау-кема», подражавшем вышивке туземных племен с ее типичными коричневыми и синими листовными узорами. Прямо перед ним, за колоннадой из зеленой яшмы, можно было видеть тридцатиметровый овал ипподрома для карликовых пони. Справа и слева тянулись анфилады помещений для состязаний в навыках и смекалке, а также для интеллектуальных и традиционных азартных игр. Ридольф проигнорировал ипподром и повернул туда, где играли в карты – в покер и планетту, в «очко», «порчу» и румбо. Понаблюдав несколько минут за игрой в покер, он двинулся дальше. Для существенного выигрыша в покере требуются большие затраты времени, исключительная выдержка и внимательный анализ статистических закономерностей.

Бросив саркастический взгляд на столы для игры в кости, Магнус Ридольф направился в боковой флигель, где пощелкивали и поблескивали десятки крутящихся рулеток. «Красное и черное! – пробормотал себе под нос Магнус Ридольф. – Красное и черное на зеленом сукне, неизменные атрибуты игорного дома с восемнадцатого века».

Ридольф обвел взглядом весь зал – ему доставляли удовольствие тысячи различных оттенков – после чего обратил внимание на потолок из матового стекла, переливавшийся многоцветными орнаментами гигантского проектора-калейдоскопа, чудесно затейливыми, постоянно меняющимися: в глазах пестрили плазменно-желтые, бутыльно-зеленые, пыльные алые тона, пламенно-оранжевые розетки, пульсирующие фиолетово-синие волны, звезды со стреловидными остриями, взрывающиеся и гаснущие; все это соединялось и пересекалось, образуя расширяющиеся кольца, извивающиеся дуги и разбегающиеся полосы.

С потолком контрастировал тусклый темно-серый ковер, поглощавший тени; по ковру расхаживали шикарно одетые мужчины и женщины в красочных блузах и жилетах – блестящих черных, рубиново-красных, зеленовато-голубых, как озаренная солнцем толща морских вод. Вдоль дальней стены тянулись три яруса балконов – там пировали и наблюдали сверху за играми небольшие группы гостей.

Магнус Ридольф внимательно рассматривал просторное помещение с одного конца до другого, оценивая на глаз размеры прибыли, возможной за тем или иным столом. Судя по тому, как раскраснелись нервные лица игроков, то подскакивавших от радости, то погружавшихся в потрясенное уныние, здесь приобретались и терялись огромные суммы. И все эти потоки денег в конечном счете наполняли карманы Акко Мэя. Акко Мэя боялись во всех мирах Содружества – воображение масс связывало этого человека с тысячами преступлений. Тем не менее, в какой бы форме ни осуществлялись его грабежи, Акко Мэй оставался неуловим всякий раз, когда к нему протягивалась рука правосудия – не было никаких убедительных доказательств, позволявших предъявить ему обвинения.

Мысли Магнуса Ридольфа сосредоточились на первоочередной задаче. Он внимательно изучил рулетки, оценивая частоту вращения каждого колеса, его массу и скорость радиального смещения шариков, после чего произвел несколько расчетов в уме и отвернулся. Вероятность ошибки была такова, что игра буквально не стоила свеч.

Ридольф вернулся к ипподрому, заметив по пути мелькавших, как тени за колоннами, темно-коричневых миниатюрных пони, направился в анфиладу другого флигеля, прошел, не останавливаясь, мимо еще нескольких рулеточных столов, а также мимо устройства, тасовавшего быстро вращающиеся диски, но задержался у большой прозрачной сферы, наполненной жидкостью и плавающими в ней шариками разнообразной расцветки; эту игру здесь называли «лоранго».

Пока он наблюдал за шариками, они замедлились, всплыли, сталкиваясь и теснясь, к потолку сферы, и образовали там пирамидку: один шарик на вершине, три непосредственно

под ним, семь на третьем уровне и, наконец, тринадцать в основании. Все шарики, ярко подсвеченные, словно горели изнутри, как самоцветы.

Устройством управлял молодой человек с гладкой, как тюленья шкура, светлой шевелюрой и раскосыми карими глазами; на нем была зеленая с белыми отворотами униформа Пассажа. Когда шарики окончательно выстроились на четырех уровнях, крупье объявил выигравшие цвета: «Серебряный получает первый приз! Карминовый, сапфировый и пунцовый – второй; золотой, ярко-синий, черно-белый полосатый, опаловый, изумрудный и угольно-черный – третий».

Магнус Ридольф подошел ближе. Правильный предварительный выбор расцветки шарика, оказавшегося на вершине пирамидки, позволял получить приз в размере, превышавшем ставку игрока в 24 раза; ставка на любой из трех шариков, всплывших на второй уровень – восьмикратный выигрыш; ставка на любой из семи шариков третьего уровня – трехкратный выигрыш. «Вероятность выигрыша – почти 50 процентов, – подумал Ридольф. – Казино получает небольшое преимущество только на третьем уровне». Он тут же заметил, однако, небольшую табличку, закрепленную перед прозрачной сферой:

«ЕСЛИ ВЕРШИНУ ЗАНИМАЕТ БЕЛЫЙ ШАРИК ВСЕ СТАВКИ,
КРОМЕ СТАВОК НА БЕЛОМ ПОЛЕ, ПЕРЕЧИСЛЯЮТСЯ В ПОЛЬЗУ
КАЗИНО».

«Делайте ставки!» – объявил блондин-крупье. Он нажал кнопку – сфера стала кружиться: «Ставки больше не принимаются!» Сфера резко остановилась; продолжая двигаться по инерции, шарики замедлялись и всплывали, отталкивая друг друга; наконец из них выстроилась пирамидка.

Крупье провозгласил результаты: «Темно-синий получает первый приз! Угольно-черный, светло-коричневый и рубиновый выиграли второй; темно-коричневый, аквамаариновый, бледно-желтый, аметистовый, бирюзовый и оливковый – третий».

Блондин собрал ставки и выдал призы.

«Делайте ставки!» – снова объявил крупье. Магнус Ридольф тайком вынул из кармана секундомер.

«Ставки больше не принимаются!» Сфера закружилась, разогналась до максимальной частоты вращения, остановилась. Шарики толпились и всплывали. Ридольф взглянул на секундомер: 10,23 секунды. Шарики выстроились в пирамидку. Ридольф снова сверился с секундомером: 32,01 секунды.

«Белый на вершине! – провозгласил крупье. – Все ставки – в пользу казино».

Магнус Ридольф продолжал измерять продолжительность этапов цикла «лоранго» на протяжении еще нескольких раундов, украдкой записывая результаты в маленькую записную книжку с черной обложкой.

Затем Ридольф сосредоточил внимание на прозрачной сфере. Он вынул из чемоданчика миниатюрную видеокамеру и заснял последовательность трех раундов.

Положив камеру обратно в чемоданчик, Ридольф задумался: какая еще информация могла бы ему понадобиться? Жидкостью, наполнявшей сферу, очевидно была вода. Пользуясь кадрами видеозаписи, он мог рассчитать скорость перемещения всплывающих шариков и, следовательно, удельный вес каждого из них. Кроме того, видеозапись позволяла точно определить диаметры шариков и сферы, а также кривизну прозрачных стенок сферы.

Оставались неизвестными еще несколько количественных факторов – коэффициенты поверхностного трения погруженных в воду шариков и внутренних поверхностей сферы, коэффициент эластичности шариков при взаимном столкновении, частота вращения сферы, параметры ускорения ее вращения и ее внезапного торможения. Следовало учитывать также центробежную силу, вызванную вращением планеты вокруг своей оси, гравитационные откло-

нения, вызванные перемещением солнца по небосклону, и повышение температуры воды, вызванное возмущениями при вращении и остановке сферы. Необходимо было также исключить возможность воздействия каких-либо сильных или необычных гравитационных и электромагнитных полей. Ридольф открыл чемоданчик и, следя за стрелками индикаторов находившихся внутри приборов, прошелся вокруг прозрачной сферы.

Захлопнув чемоданчик, он обратился к крупье: «Из какого материала сделаны шарики?»

Взглянув на старика, блондин поднял брови: «Из витрина, сударь».

«А сфера?»

«Тоже из витрина». Крупье отвернулся: «Делайте ставки, господа!»

«Вряд ли крупье известна точная частота вращения сферы», – подумал Ридольф. Взглянув на провода, ведущие к приводу сферы, он слегка пожал плечами – у него не было возможности определить характеристики двигателя. Для этого потребовались бы непосредственные измерения.

Магнус Ридольф вышел из Пассажа и направился к аптеке.

«Один грамм флуоресцеина, будьте добры, – сказал он продавцу. – Кроме того, мне понадобятся пятьдесят метров двухмиллиметровой пленки „Пан-Анг“».

Вернувшись в Пассаж с приобретенными товарами, он незаметно прикоснулся к сфере «лоранго», пометив ее пятнышком светящегося порошка, и заснял видеокамерой еще три раунда игры. После этого он снова проверил секундомером продолжительность периодов вращения сферы и формирования пирамидки шариков. Результаты остались прежними: 10,23 секунды до остановки сферы, 32,01 секунды до окончательного размещения шариков на уровнях пирамидки.

Покинув «Пассаж прихотливой Фортуны», Ридольф прогулялся к своему отелю под сенью деревьев бульвара Мокалемаака.

На следующий день его расчеты были завершены, чему способствовали переносной компьютер и карманный дифференциальный анализатор. Пределы погрешности оказались вполне допустимыми.

Ридольф вернулся в «Пассаж прихотливой Фортуны» и на этот раз приобрел у сидевшего за окошком кассира десять фишек достоинством сто валютонтов каждая, после чего повернул налево – туда, где двадцать четыре разномастных шарика «лоранго» танцевали и подпрыгивали в прозрачной сфере, кружась и кувыркаясь случайным, непредсказуемым образом – на взгляд непосвященного наблюдателя. Фактически, однако, их траектории определялись непреложными законами физики и математики так же точно, как площадь их поверхности.

Руководствуясь этими непреложными законами, Магнус Ридольф рассчитал последовательности перемещений шариков в зависимости от исходного взаимного расположения, и, следовательно, вероятность заполнения каждым из шариков, по окончании вращения, каждой из двадцати четырех позиций четырехуровневой пирамидки.

Сумма четырех наибольших значений вероятности составляла 62 процента. Другими словами, наблюдая исходный состав пирамидки и делая ставки на шарики, вероятность восхождения которых на вершину пирамидки – то есть выигрыша в соотношении 24:1 – составляла 62 процента, в среднем Магнус Ридольф мог выигрывать в каждом раунде, на протяжении множества раундов, в 12 раз больше поставленной им суммы.

Перед тем, как принять участие в игре, он еще раз проверил продолжительность периодов цикла «лоранго». Получив удовлетворительные результаты, он поставил по одной фишке на бледно-желтое, бирюзовое, алмазно-радужное и иссиня-черное поля. Сфера завертелась, шарики всколыхнулись и закружились в толще воды ленивым беспорядочным вихрем.

«Бледно-желтый получает первый приз! – воскликнул крупье. – Темно-синий, киноварный и угольно-черный – второй; серебряный, светло-зеленый, светло-коричневый, темно-коричневый, топазовый, черно-белый полосатый и опаловый – третий».

Магнус Ридольф получил выигрыш и сохранил ту фишку, которую поставил на бледно-желтый цвет; прибавление к его исходному капиталу составило 2100 валютнов. Взглянув на пирамидку, Ридольф поставил по три фишки на рубиновое, белое, аметистовое и оливковое поля.

Сфера завертелась.

«Белый на вершине! – провозгласил крупье. – Все ставки, кроме тех, что на белом поле – в пользу казино».

Теперь у Ридольфа были на руках 94 фишки; он поставил по десять фишек на угольно-черное, аквамариновое, темно-коричневое, изумрудное и золотое поля, то есть прибавив пятую ставку, наиболее перспективную по сравнению с другими неиспользованными вариантами, тем самым слегка увеличивая вероятность выигрыша – и в то же время препятствуя попыткам проанализировать его метод.

Он проиграл – и тут же поставил по десять фишек на светло-коричневое, угольно-черное, ярко-синее и рубиновое поля.

«Угольно-черный получает первый приз!» – объявил крупье.

Магнус Ридольф спокойно расставил столбики своих фишек: теперь их было 254. Игнорируя зевак, собравшихся у него за спиной, старик поставил по пятьдесят фишек на сапфировое, светло-зеленое, топазовое и киноварное поля. Сфера завертелась. Взглянув на выстроившуюся пирамидку, крупье едва заметно поморщился и покосился на Ридольфа: «Сапфировый получает первый приз!»

Игорный дом выплатил выигрыш фишками достоинством в тысячу валютнов каждая. Магнус Ридольф подозвал служителя с тележкой, чтобы тот помог ему отвезти фишки к кассе, где он обменял выигрыш на фишки стоимостью десять тысяч валютнов каждая. Теперь у него в руках были 13 «десятитысячных» фишек и четыре «сотенных». Для того, чтобы успокоить крупье, Ридольф поставил четыре сотенные фишки на бесперспективные поля и, естественно, проиграл, после чего поставил по «десятитысячной» фишке на изумрудное, оливковое, светло-коричневое и серебряное поля. Немного поколебавшись, крупье запустил сферу «лоранго».

Пирамидка выстроилась; крупье заметно повеселел: «Первый приз получает рубиновый!»

Магнус Ридольф снова поставил четыре фишки достоинством десять тысяч валютнов каждая – на карминовое, опаловое, шахматное и золотое поля.

Прозрачная сфера закружилась, шарики вспыхнули в подсвеченной воде, как разноцветные светлячки.

«Опаловый получает первый приз!»

Толпа, собравшаяся за спиной Ридольфа, ахнула.

Теперь перед Ридольфом выстроились фишки на сумму 300 тысяч валютнов; крупье следил за стариком, прищурившись подобно коту, получившему щелчок по носу.

Магнус Ридольф поставил по пять фишек на светло-зеленое, темно-коричневое, красно-оранжевое и серебряное поля.

Крупье покачал головой: «Боюсь, мне придется ограничить сумму ваших ставок, сударь».

Ридольф смерил его ледяным взглядом: «Насколько мне известно, в Пассаже таких ограничений нет».

Блондин-крупье облизал губы: «В большинстве случаев это так, сударь, но...»

«Будьте добры, позовите своего начальника».

Крупье отвел глаза, не в силах выдержать пристальный взгляд старика: «В данный момент мой руководитель недоступен, сударь. По сути дела, его нет на планете – он улетел по срочному делу».

«В таком случае, кто здесь главный?»

Глядя куда-то поверх головы Ридольфа, крупье заметил владельца казино, целенаправленно шагнувшего к двери в стене: «Вот идет господин Мэй! Надо полагать, он только что вернулся. Господин Мэй!»

Акко Мэй задержался – его бледное, почти треугольное лицо повернулось к молодому крупье. Внешность этого хорошо сложенного человека среднего роста можно было бы назвать располагающей к себе, если бы это впечатление не нарушалось жесткой напряженностью телодвижений и странно перекошенным ртом. Брови его казались приподнятыми, словно что-то вызывало у него постоянное раздражение, а его необычно маленькие уши плотно прилегли к темноволосой голове.

«Да, Хорхе? В чем дело?»

«Этот господин слишком часто выигрывает. Подозреваю, что он каким-то образом мошенничает».

Акко Мэй повернулся к Ридольфу и смерил его взглядом с головы до ног. Скромно одетый, пожилой беловолосый субъект с аккуратной козлиной бородкой выглядел вполне респектабельно.

«Чепуха! – сказал Акко Мэй. – Лоранго невозможно обмануть. Здесь не помогают никакие ухищрения, никакие электромагниты. Ограничения не нужны, пусть играет».

Тем не менее, Мэй задержался, наблюдая за тем, как Ридольф разместил по пять фишек на светло-зеленом, темно-коричневом, красно-оранжевом и серебряном полях. Размеры ставок, по 50 тысяч валюнтов, явно удивили его.

Сфера завертелась, шарики исполнили ленивый хоровод в воде, замедлились, стали всплывать, толкаясь и теснясь, выстроились в пирамидку.

«На вершине светло-зеленый!»

Отсчет выигрыша занял некоторое время; глубоко вздохнув, крупье вручил Ридольфу фишки на сумму 1 200 000 валюнтов.

Акко Мэй поднялся на площадку крупье, внимательно рассмотрел разноцветные шарики, после чего подверг Магнуса Ридольфа не менее тщательному осмотру.

«Делайте ставки!» – резко объявил он.

Бросив быстрый взгляд на пирамидку шариков, Ридольф поставил по двадцать фишек на аметистовое, черно-белое полосатое, белое и светло-коричневое поля.

Сфера завертелась, шарики всплыли.

«На вершине рубиновый!»

Кривой рот Акко Мэя растянулся в презрительной смешке: «Делайте ставки!»

Магнус Ридольф поставил по десять фишек на изумрудный, карминовый, шахматный и аквамаринный цвета.

«На вершине карминовый!»

Акко Мэй прикусил губу. Крупье что-то прошептал ему на ухо.

«Позвони кассиру», – сказал ему Мэй.

Впопыхах прибыл посыльный, передавший Мэю небольшой черный кожаный мешок. Мэй отсчитал Ридольфу 24 пачки банкнот Содружества.

«Вам повезло, дружище! Давно у нас не было такого! – слегка наклонив голову, Мэй сосредоточил мрачный взгляд на лице Ридольфа. – Вы намерены играть дальше?»

По всей видимости, Ридольф колебался, перебирая пальцами лежавшие перед ним фишки.

«Так вы будете еще играть?»

Магнус Ридольф поставил по четыре фишки достоинством в десять тысяч валюнтов на четыре бесперспективных поля – и, разумеется, проиграл. Он сделал это опять – и снова проиграл. Напряженно приподнятые плечи Акко Мэя слегка опустились.

Взглянув на пирамидку шариков, Ридольф безмятежно поставил по 500 тысяч валютнов на радужно-алмазное, угольно-черное, бирюзовое и черно-белое полосатое поля. Мэй наклонился, подсчитывая ставки, повернулся, снова рассмотрел прозрачную сферу, взглянул в лицо Ридольфу и нажал на кнопку.

За движениями шариков следили уже не меньше сотни зрителей. Кружащаяся сфера остановилась. Плавающие по кругу шарики замедлились и всплыли. На вершине пирамидки оказался угольно-черный шарик.

«Двенадцать миллионов валютнов!» – процедил сквозь зубы Акко Мэй. «Отключи систему! Позови Мак-Нагга, чтобы он ее хорошенько проверил, – приказал он блондину-крупье, после чего медленно повернулся к Ридольфу. – Не пройдете ли в мой кабинет? У меня нет на руках такой суммы наличными».

Магнус Ридольф спокойно взглянул на неподвижное треугольное лицо: «Пожалуйста, выпишите мне чек. Этого будет достаточно – я подожду здесь».

Акко Мэй развернулся на каблуках и удалился. Прошло десять минут – толпа, собравшаяся вокруг машины для игры в лоранго, рассеялась. Акко Мэй вернулся и протянул Ридольфу чек: «Вынужден попросить вас не получать наличные по этому векселю в течение трех дней. Текущий баланс на моем счету на три миллиона меньше вашего выигрыша».

Магнус Ридольф благосклонно кивнул: «Разумеется, меня это нисколько не затруднит».

Акко Мэй бросил на него горящий взгляд. Наклонившись ближе, он пробормотал: «В чем секрет, приятель? Что позволило вам одолеть систему?»

Щека Ридольфа неприязненно подернулась. «Математика», – ответил он.

«Чушь!» – выплюнул Мэй, как неожиданно чихнувший черный кот.

Магнус Ридольф пожал плечами: «Любое событие во Вселенной можно выразить в математических терминах. Зачем делать исключение для такого простого механизма, как ваша враждующая сфера?»

Рот Акко Мэя pokrивился пуще прежнего: «Я не математик, дружище. Я – владелец казино. У вас свои игры, у меня – свои. Забавляйтесь математикой где угодно, но в Пассаж больше не приходите».

Ридольф задумчиво поджал старческие бескровные губы: «У вас есть законная возможность не допускать меня в принадлежащее вам заведение».

Мэй кивнул: «Еще какая возможность! Причем я не нуждаюсь в ее правовом обосновании».

«Правоведение – своего рода математика социальных взаимодействий, – заметил Магнус Ридольф. – Оно находит не меньшее практическое применение, чем теория вероятности».

Презрительно усмехнувшись, Акко Мэй отвернулся: «Теориями выше облака ходячего пусть занимаются птички небесные, профессор. И не забывайте о моем предупреждении».

Ридольф обменял оставшиеся у него фишки на наличные – 480 тысяч валютнов – и покинул Пассаж.

В «Азиатско-африканском банке Содружества» он положил эти деньги на свой счет, воздержавшись от того, чтобы немедленно депонировать чек Мэя, вышел на озаренный лучами послеполуденного солнца бульвар, повернул направо по окаймленной гибискусами Кеалихану-авеню и спустился мимо Роузи Основателей на прогулочную набережную с видом на океан. Пользуясь терминалом продавца новостей, он распечатал «Сводку текущих событий и социального прогресса Содружества», уселся на свободной скамье и стал просматривать колонки новостей под оглушительный аккомпанемент пенящегося прибоя.

Вскоре он встал, однако, вспомнив, что сегодня еще ничего не ел. Пройдясь по набережной к отелю «Коралловый сад», он поднялся в лифте на двадцатый этаж и зашел в кафе на широком балконе. Здесь он пообедал, обозревая обширную панораму прибрежной

Милитты – многочисленные беленные домики с крышами, выложенными синей и красной черепицей, лесистые ложбины и солнечное синее море.

Когда официант принес чашку кофе, Ридольф вернулся к просмотру новостей и обнаружил в разделе «Преступная деятельность» заметку под следующим заголовком:

**«ПИРАТСКОЕ НАПАДЕНИЕ НА «КАЛХУН»
ВЛАСТИ В ПОЛНОМ ЗАМЕШАТЕЛЬСТВЕ».**

Наклонив голову над газетой, старый математик прочел всю статью. Ему уже были известны, в общих чертах, фактические обстоятельства дела: грузовое космическое судно «Джон Калхун», перевозившее 1200 тонн товаров, еще не оплаченных пошлиной, было взято на бордаж и захвачено в полете, что привело к гибели четырех членов экипажа. Оставшихся в живых астронавтов пираты заперли в каютах.

Когда команде удалось наконец освободиться, трюмы уже опустели, радиопередатчик был выведен из строя, а двигатели – повреждены. «Калхуну» удалось кое-как добраться до космической таможенной станции, откуда о происшествии доложили в МБР.

Покончив с кофе, Магнус Ридольф откинулся на спинку стула и зажег сигару. Посмотрев по сторонам, он заметил, что за ним наблюдали три субъекта, сидевших с рюмками ликера «Санг-де-Дьё» за столом неподалеку; соглядатаи тут же отвели глаза.

Не задерживая на них невинно-голубой взор, Ридольф устроился на стуле поудобнее и продолжал спокойно сидеть, пока оранжевое солнце безмолвно опускалось за горизонт. Сумерки наступили быстро: на балкон опустилась теплая тень, местами озаренная дрожащими язычками пламени свечей.

Магнус Ридольф задумчиво поглядывал на перила балкона, изготовленные из полированного твердого туземного дерева и в высоту достигавшие примерно половины человеческого роста. В семидесяти метрах под балконом не было ничего, кроме бетонного тротуара. Три субъекта за спиной Ридольфа следили за каждым его движением. Один из них прятал лицо под капюшоном, но от внимания Ридольфа не ускользнули светлые волосы, гладкие, как тюлений мех, и хищные раскосые глаза.

Ридольф размышлял. Скорее всего, подручные Мэя ждали того момента, когда он подойдет к перилам, после чего они собирались быстро столкнуть его вниз и тут же скрыться. Настанет переполох, и никто не сможет вспомнить, что, в точности, произошло. Свидетели будут давать противоречивые показания по каждому существенному вопросу. Такое убийство можно было совершить безнаказанно.

Даже если бы он попытался потихоньку покинуть ресторан, ему все равно предстояло пройти не меньше тридцати метров по пустынной набережной до Кеалихану-авеню.

Появился метрдотель, провожавший молодую пару к столу на краю балкона, где они могли бы наслаждаться сумрачным видом на океан.

Магнус Ридольф встал. Краем глаза он видел, как напряглись три бандита. Взяв одной рукой чашку с остатками кофе, а другой – стакан с водой, он сделал шаг вперед и одним быстрым движением кистей облил бандитов водой и кофейной гущей. Тут же схватив за края свой столик, Ридольф приподнял его и швырнул в разъяренных громил. Блондин в капюшоне опрокинулся на спину, двое других вскочили.

Метрдотель тут же подбежал, отчаянно размахивая руками: «Что вы делаете? Вы с ума сошли?» Он схватил Ридольфа за плечо, но не успел удержать седого старика прежде, чем тот бросил горящей свечой в лежащего на полу блондина.

«Антон! Артур! Пол!» – закричал метрдотель. Три официанта ринулись ему на подмогу. «Держите этого психопата! Отведите его в коридор, а я вызову полицию. Боже мой, что же это такое?» Метрдотель поставил на ноги упавший столик и помог трем гангстерам занять преж-

ние места: «Прошу прощения, господа! Уверяю вас, ничего подобного у нас в „Подветренном кафе“ обычно не бывает! Позвольте налить вам еще по рюмке ликера».

Магнуса Ридольфа подхватили под локти и вывели с балкона; через некоторое время прибыл наряд полиции. Многословно объясняя происшествие, метрдотель требовал, чтобы нарушителя наказали строжайшим образом. Тем временем Ридольф с достоинством ждал, прислонившись к прилавку кассира. Мимо прошли с каменными лицами три бандита.

Из полицейского участка Ридольф позвонил в местное отделение МБР и попросил соединить его с коммодором Эфремом.

«Магнус Ридольф! – рявкнул коммодор, немедленно узнавший безмятежную физиономию старика на экране телефона. – Что вы делаете в тюрьме?»

«Меня арестовали за хулиганство», – ответил Ридольф.

«Как так? – встревожился коммодор. – Кто несет за это ответственность? Дайте-ка мне поговорить с лейтенантом, я ему покажу, где раки зимуют!»

Уже через час, спокойно сидя за столом в полицейском управлении, Магнус Ридольф рассказал свою историю коммодору Эфрему – тощему коротышке с костлявым темным лицом и выдающимся квадратным подбородком.

«А у нас наконец нашлись улики, позволяющие надеяться, что Акко Мэй не выйдет сухим из воды, – сообщил коммодор. – Мы пытаемся связать его с нападением на „Калхун“. Несколько человек из команды опознали его по фотографии, но у него неплохое алиби. До Санаториса-Бета триста восемьдесят световых лет. А „Калхун“ взяли на абордаж, насколько нам известно... гм... двенадцать с половиной суток тому назад».

Коммодор указал на тот факт, что максимальная возможная скорость звездолета в свободном пространстве равна c^2/e^3 , то есть не более $42\frac{1}{2}$ световых лет в сутки, тогда как полет до Санаториса занимал почти девять суток, причем на ускорение и на торможение затрачивалось как минимум по 48 часов.

«Таким образом, полет отсюда до Санаториса продолжается ни в коем случае не меньше тринадцати суток, – говорил коммодор. – Но Акко Мэй приземлился в Милитте сегодня в первой половине дня, то есть на сутки раньше, чем это было бы возможно, если бы он участвовал в захвате „Калхуна“ – в каком случае он никак не мог бы вернуться раньше сегодняшнего вечера даже в оптимальном варианте».

Магнус Ридольф медленно поглаживал белую бородку: «Преступление совершено на расстоянии тринадцати суток полета. Вы подозреваете человека, прибывшего на Веер по прошествии двенадцати суток после захвата космического судна. Существуют четыре возможности. Во-первых, вы могли неправильно установить время нападения на „Калхун“».

«Ни в коем случае! Время определено безошибочно».

«Во-вторых, Мэй мог пользоваться звездолетом, летевшим со скоростью, превышавшей отношение квадрата скорости света к основанию натурального логарифма в кубе – что маловероятно. В-третьих, Мэй мог не участвовать в нападении на „Калхун“».

Коммодор Эфрем нервно выпрямился на стуле, сжимая кулаки рук, лежавших на столе. Вздохнув, он постепенно расслабился и зажег сигарету: «Боюсь, дело обстоит именно так. Акко Мэй невиновен в захвате „Калхуна“. Но за ним числится множество других подсудных дел – массовое уничтожение аборигенов в Порт-Миранде, дюжина одиночных убийств, торговля женщинами и наркотиками, контрабанда – практически все тяжкие преступления, предусмотренные кодексом».

«В том числе сговор с целью совершения убийства, – прибавил Магнус Ридольф, – жертвой которого должен был стать я собственной персоной». Ридольф широко открыл глаза и без всякого видимого намека на иронию приложил ладонь к груди: «Я, представьте себе?»

Коммодор Эфрем ухмыльнулся: «И теперь вам тоже не терпится содрать с него шкуру?»

Ридольф беззвучно постучал пальцами по ручке кресла: «Ничто так не удовлетворяет тщеславие, как месть. По сути своей, месть эгоистична и мелочна, она мало меня привлекает. Тем не менее, вынужден с вами согласиться: преступную карьеру Акко Мэя давно пора пресечь».

Коммодор Эфрем серьезно кивнул, хотя на его тонких губах еще сохранилась тень улыбки: «Короче говоря, вы не прочь содрать с него шкуру».

Покинув полицейский участок, Ридольф не поддавался искушению снова взглянуть на прозрачную сферу для игры в лоранго. Вместо этого он прошел под аркой в приемную кабинета Акко Мэя.

Хорошенькая рыжая секретарша гладила рыжего котенка, поднявшего хвост трубой и бродившего взад и вперед по ее столу. Она взглянула на появившегося перед ней старика без малейшего интереса.

«Меня зовут Магнус Ридольф. Я хотел бы поговорить с Мэем», – сказал математик. Почесывая котенка под подбородком, секретарша наклонилась к микрофону и произнесла несколько слов, после чего пригласила Ридольфа подойти к белой панели в стене, обшитой темным твердым деревом. Панель отодвинулась в сторону; за ней на обтянутом кожей диване сидел, положив ногу на ногу, Акко Мэй.

«Садитесь!» – сказал Мэй. Ридольф сел. «По какому поводу вы оказали мне честь своим визитом?»

Магнус Ридольф сухо произнес: «Я хотел бы доказать, что вы участвовали в пиратском нападении на „Калхун“».

Акко Мэй хрюкнул и расхохотался – ответ Ридольфа его изрядно развеселил: «Ничего у вас не получится! Я не бывал в окрестностях Санаториса уже много лет».

«И вы можете это доказать? Выжившие астронавты, оставшиеся на борту „Калхуна“, однозначно опознали вас по фотографии».

Мэй пожал плечами: «Они ошибаются. Меня там не было».

«Но вас не было и здесь, когда судно взяли на abordaj. Где вы находились?»

Акко Мэй помрачнел: «А вам какое дело?»

«В данный момент я представляю Межпланетное бюро расследований». Наклонившись, Ридольф вручил Мэю визитную карточку.

Презрительно взглянув на нее, Мэй вернул карточку: «Почему в МБР никак не могут оставить меня в покое? Неумные следопыты! Напрягите скудные умственные способности и поймите наконец: я – всего лишь обычный бизнесмен, у меня свое предприятие – здесь, в Милитте. Как любого другого, меня надувают всевозможные мошенники – вчера, как вам известно, один из них нагрел меня на двенадцать миллионов».

Магнус Ридольф задумчиво сосредоточил внимание на древнем марсианском скарабее, украшавшем кольцо на пальце Мэя: «Припоминаю кольцо, которое вы носите. Точно такое же носил мой старый приятель, Риммер Фогель. Пираты убили Фогеля и ограбили его космическую яхту».

«Навозный жук? Я купил его на Лягушачьей Развязке, – заявил Акко Мэй. – Лягушатник утверждал, что выкопал кольцо в каких-то развалинах».

«Понятно. Что ж... Как говорится, имущество отражает характер владельца».

Акко Мэй встал, взял стакан и лениво налил себе воды из крана, встроенного в стол: «Это все? Вы за этим пришли? Чтобы пришить мне дело „Калхуна“? Я просто не мог бы там оказаться, даже если бы захотел. До Санаториса не меньше двух недель полета. А я вернулся домой уже вчера».

«Ваше возвращение ничего не доказывает. Такое расстояние можно преодолеть за двенадцать суток».

Мэй прищурился, достал с полки «Астронавигационный альманах», просмотрел алфавитный указатель, пролистал несколько страниц и записал на листке бумаги несколько цифр. Покачав головой, он криво усмехнулся: «Похоже на то, что вам пора на покой, старина. Никто не смог бы остаться в живых, проделав такой путь даже за тринадцать суток. Передать информацию, конечно, можно было бы – лучом ультра-радио, в три раза быстрее света».

«Действительно, – согласился Ридольф, – вы не могли бы вернуться так быстро на обычном космическом корабле».

Акко Мэй ухмыльнулся еще шире и снова уселся на диван: «Хотите заключить пари? Насколько я помню, вы получили от меня чек на двенадцать миллионов валютнов».

Магнус Ридольф не спешил с ответом. «Да, – сказал он наконец, – я заключу с вами своего рода пари. Пишите – я продиктую».

«Что именно?»

«Я, Акко Мэй, признаюсь в том, что участвовал в вооруженном захвате и ограблении грузового космического судна „Джон Калхун“, сопровождавшемся убийством четырех членов экипажа, с тем условием, что будет доказана возможность полета из Милитты на Веере до космической таможенной станции на Санаторисе-Бета за двенадцать суток или быстрее. Я предоставляю настоящее обусловленное признание вины в обмен на сумму в размере двенадцати миллионов валютнов, настоящим подтверждая получение таковой суммы от Магнуса Ридольфа».

Мэй долго и неподвижно смотрел на Ридольфа, после чего снова схватил «Астронавигационный альманах». Его кривой рот нервно подергивался: «Вы вернете мне чек, если я подпишу это признание?»

«Верну», – кивнул Ридольф.

«Кто полетит на Санаторис?»

«Я».

«На каком корабле?»

«На стандартном патрульном катере МБР».

Акко Мэй еще раз заглянул в «Альманах»: «Вам не удастся долететь туда за двенадцать суток».

«Я готов заплатить двенадцать миллионов валютнов за возможность совершить такую попытку».

Мэй лукаво усмехнулся: «Но у вас это не получится».

«В таком случае почему бы вам не подписать обусловленное признание вины?»

Мэй поколебался еще пару секунд, но принял решение: «Хорошо, я подпишу его».

«Могу ли я воспользоваться вашим телеэкраном? – спросил Ридольф. – Я хотел бы, чтобы этот документ был подписан в присутствии свидетелей».

«Не возражаю», – пожал плечами Акко Мэй.

Крупный субъект в типичной одежде астронавта, с обвисшими багровыми щеками и длинными, спутанными черными волосами, сидел на стуле, который за несколько часов до этого освободил Магнус Ридольф. Акко Мэй расхаживал взад и вперед по кабинету, стискивая кулак правой руки ладонью левой.

«Не доверяю я старому козлу, – бормотал Мэй. – Он опять что-то придумал».

«Он отдал вам чек, разве не так?»

«Отдал, – язвительно отозвался Мэй, – и при этом получил мое признание вины. Конечно, пролететь триста восемьдесят световых лет за двенадцать суток невозможно».

«Но вы-то вернулись за двенадцать суток», – возразил верзила.

«Ничего подобного! – взвился Мэй. – Мы подделали видео. Двойник – мы с ним похожи как две капли воды – прибыл в космопорт с поддельным паспортом на сутки раньше меня».

Кроме того, мы подкупили двух инспекторов из космопорта, чтобы они дали ложные показания, подтверждающие мое прибытие. Даже Ридольф не разобрался в том, как все это было подтасовано. Мое алиби невозможно опровергнуть».

Верзила кивнул: «Взятки гладки. Но разве Ридольф не подозревает, что дело нечисто?»

«Конечно, подозревает! – рявкнул Мэй. – Поэтому он и припелся ко мне в управление. Но он ничего не может доказать. Так или иначе, рисковать нельзя. Ридольф не должен вернуться живым. Тебе придется этим заняться. Свяжись с Хорбом, Корви и Штойбенем. Пусть они займут пункты, рассредоточенные по маршруту до Санаториса. Ты вылетишь туда же и будешь наблюдать – чтобы в том случае, если один из троих упустит Ридольфа, другие не зевали. Ридольф не должен вернуться ни в коем случае! Все понятно?»

Тяжеловесный астронавт поднялся на ноги: «Будет сделано».

«Поспеши! Он вылетает в полночь».

«Он не пролетит мимо – мы будем начеку».

«Миллион валюнтов тому, чей корабль покончит с Ридольфом – так и передай!»

На следующий день, в три часа пополудни, тот же верзила-астронавт зашел в кабинет Акко Мэя. Его глаза покраснели от бессонницы, щеки обвисли пуще прежнего, он едва держался на ногах от усталости.

«Ну? – отрывисто спросил Мэй. – Что скажешь?»

Верзила тяжело опустился на стул: «Он ускользнул».

Акко Мэй вскочил: «Какого дьявола? Каким образом? От четырех кораблей?!»

Астронавт покачал головой: «Вы сказали, что он полетит к Санаторису».

«Туда он и летел, дубина ты стоеросовая!» – закричал взбешенный Мэй.

Верзила угрюмо поднял глаза: «Он взял прямолинейный курс – так, как это делают галактические лайнеры. Мы за ним наблюдали. Его курс отклонился от нашего. По сути дела, он летел к Альциону, а не к Санаторису».

Мэй прикусил губу: «Конечно, если он взял другой курс, догнать его было бы трудно... Ладно, Булыган. На твоём месте я тоже ничего не смог бы сделать. Так ты говоришь, он полетел куда-то не туда?»

«Совсем не туда», – подтвердил астронавт по прозвищу Булыган.

Акко Мэй мрачно усмехнулся: «Что ж, я быстро сделал двенадцать миллионов. Почти так же быстро, как обчистивший мое казино Ридольф».

Спустя несколько месяцев судья зачитал приговор: «Подсудимому предъявлены обвинения в пиратстве, похищении имущества в крупных размерах, вооруженном нападении и убийстве. Обвиняемый признал свою вину. Суд постановляет, что он нуждается во всеобъемлющей церебральной коррекции и в содержании под наблюдением на протяжении пяти лет. Желает ли подсудимый выступить с последним словом?»

Акко Мэй сверлил судью злобным горящим взглядом затравленного хищника: «Нет, не желаю».

Мэя окружили охранники. Гангстер повернулся туда, где сидел Магнус Ридольф, всем своим видом излучавший спокойствие и достоинство.

Мэй оттолкнул охранников: «Одну минуту! Я хотел бы поговорить с этим старым мерзавцем!»

Охранники не знали, как поступить – они повернулись было к судье, но тот уже скрылся у себя в кабинете. Решение в затруднительной ситуации принял Магнус Ридольф – он вышел вперед и спросил у Мэя: «Вы желаете со мной поговорить?»

«Ага. Я прекрасно понимаю, что мне – такому, какой я есть – осталось жить не больше двух часов, после чего в моем костюме, несмотря на внешнее сходство, будет разгуливать кто-

то другой. Прежде всего я хотел бы знать: каким дьявольским способом вам удалось долететь до Санаториса-Бета за двенадцать суток?»

Магнус Ридольф поднял брови: «Дьявол не имеет никакого отношения к астронавигации».

Акко Мэй нетерпеливо отмахнулся: «Да-да – конечно, понятно, разумеется! Но все-таки – как вы обвели меня вокруг пальца?»

Взгляд Ридольфа сосредоточился на кольце с марсианским скарабеем, украшавшее палец Мэя: «Ваше кольцо... найденное лягушатником... Не могу не признаться, оно мне приглянулось. Я всегда завидовал моему покойному приятелю, Риммеру Фогелю, когда он носил такое же кольцо».

Акко Мэй мрачно усмехнулся и сорвал кольцо с пальца: «Ты – мне, а я – тебе? Не без этого, а? Ладно, берите навозного жука. Так в чем секрет?»

Магнус Ридольф ответил красноречивым жестом, призывающим к доверию: «Только в астронавигации, больше ни в чем. С одним исключением, пожалуй – я слегка усовершенствовал обычные методы».

«Каким образом?»

Ридольф направил на гангстера невозмутимый взор прозрачно-голубых глаз: «Вам когда-нибудь приходилось видеть географическую карту – скажем, карту Земли – в проекции Меркатора?»

«Разумеется».

«Кратчайший путь от одного пункта до другого, отмеченный на карте в проекции Меркатора, выглядит как кривая, не так ли?»

«Да».

«Классические астронавигационные карты, – продолжал Магнус Ридольф, озаряя Акко Мэя невинным голубым взором, – составлены по принципу Меркатора. Линии координатной сетки пересекаются под прямым углом, ряды ячеек строго параллельны и перпендикулярны. Если речь идет о непродолжительном полете, эта система работает замечательно – так же, как использование проекции Меркатора не приводило к существенным ошибкам при плавании, скажем, по Лонг-Айлендскому проливу.

Тем не менее, совершая более продолжительные плавания или полеты, следует учитывать кривизну, в первом случае – поверхности планеты, а во втором – пространства-времени, внося соответствующие поправки. Это позволяет существенно экономить время. Путь, по классическим правилам астронавигации занимающий тринадцать суток, можно сократить на сутки, если внести надлежащую поправку, хотя на взгляд непосвященного человека может показаться, что астронавигатор проложил ошибочный курс».

Акко Мэй поджал губы – его искривленный рот стал напоминать римскую цифру V. Повернувшись спиной к Ридольфу, он пробормотал: «Уведите меня! Надеюсь, врачи-палачи сотворят из меня человека поумнее, который проучит этого старого козла и заставит его подавиться собственной бородой!»

«Пошли, пошли!» – отозвался охранник.

Магнус Ридольф безучастно проводил глазами осужденного гангстера, после чего внимательно рассмотрел древнего марсианского скарабея, подышал на него и любовно протер рукавом.

Некондиционные сардины

«Избавить мир от зла? Чепуха! Зло нужно культивировать, холить и лелеять. Мир в невообразимом долгу перед злом. Подумайте! Алчность – незаменимый катализатор амбиций. Без тщеславия искусство становится пустыми мечтами. В отсутствие жестокости человеколюбие вырождается. Стыдясь предрассудков, мы учимся самодостаточности – и кто испытывал бы интерес к лучшему пониманию вещей, если бы на свете не было глупцов?»
– Магнус Ридольф

Магнус Ридольф лежал в шезлонге под предохранявшим его от жгучих лучей африканского Солнца зонтом из зеленых и оранжевых секторов. У него под рукой, на столике, дымился окурок сигары, валялся перевернутый выпуск «Обсуждения последних событий» Шеммлерса, стоял стакан со льдом и выжатой половиной лимона – другими словами, трудно было бы представить себе более идиллическую картину безмятежного отдыха... Из квартиры слышался звонок трансграфа.

Некоторое время Ридольф боролся с дремотой, но заставил себя встать, зашел внутрь и взял из лотка сообщение, распечатанное аппаратом. Сообщение заключалось в следующем:

«Дорогой Магнус!
Мой повар докладывает, что завтра на ужин подадут жареных куропаток с трюфелями и компотом из вишен «маришизан», салат «Королева Персис» и артишоки с Пятой планеты Сириуса. Могу прибавить от себя, что будут предлагаться вина с трех планет, в том числе поразительный кларет «Фражанс», а также, в качестве последнего блюда, консервированные сардины.

Если у Вас появится свободное время, я хотел бы узнать Ваше мнение об этом меню – в частности, о необычайных сардинах.
Джозел Карамор».

Магнус Ридольф вернулся к шезлонгу на веранде, перечитал приглашение, сложил его вчетверо и бросил на столик. Погладив короткую белую бородку, он откинулся на спинку шезлонга и полузакрыв глаза, по всей видимости сосредоточив внимание на бороздившей темносиние воды озера Сахара небольшой парусной лодке, белизной не уступавшей стенам Марракеша.

Встрепенувшись, он быстро встал, прошел к себе в кабинет, сел напротив мнемифота и ввел в строку поиска слово «сардины».

Просмотр информации, появившейся на экране, занял несколько минут. Ридольф не нашел почти ничего существенного; отсутствовали также какие-либо его собственные записи на эту тему. Мнемифот сообщил, что вид *sardinia pilchardus* относится к тому же семейству рыб, что и сельдь, что сардины плавают многочисленными косяками и питаются микроскопическими океаническими животными. Приводилась также подробная информация о конфигурации чешуи сардин, об их повадках, относящихся к размножению, об их разновидностях и естественных врагах.

Магнус Ридольф решил принять приглашение; он набрал адресный код Джозела Карамора и опустил в прорезь трансграфа подтверждавшую это решение записку.

Карамор, рослый здоровяк с мясистым носом, массивным подбородком и ежиком седеющих темных волос, был честным человеком и вел свои дела искренне и просто, на основе взаимного доверия. Магнус Ридольф, привыкший наблюдать в людях неистребимую склонность к очковитирательству и корыстолюбию, ценил редкую возможность откровенного общения.

Ужин подавали в столовой с обшивкой трех стен из твердых пород конголезского дерева; в тених под высоким потолком висели примитивные маски. Четвертая стена, стеклянная, позволяла любоваться великолепным видом на погруженные в прозрачно-голубые сумерки предгорья Тибести, вздымавшиеся в тридцати километрах к югу.

Два старых приятеля сидели за столом из полированного железного дерева; посреди стола между ними красовалось резное изделие из малахита, в котором Магнус Ридольф распознал «работу трех поколений» с побережья Гондваны на планете Мугх – отец, сын и внук затратили на изготовление этой вещицы ровно сто лет.¹

Ужин превзошел безукоризненные стандарты Карамора. Сочные куропатки были прожарены точно в меру на открытом огне, салат оказался просто исключительным. Мягкие, искусно подобранные вина оставляли ароматное послевкусие без оскомины. На десерт подали фруктовый шербет, сыр и сухое печенье из муки грубого помола.

«А теперь, – сказал Карамор, с хитрецей поглядывая на Ридольфа, – перейдем к сардинам и кофе».

Магнус Ридольф послушно изобразил на лице ожидаемое от него легкое отвращение: «Кофе, по меньшей мере, я буду приветствовать. Что касается сардин... для того, чтобы они вызвали у меня интерес, сардины должны быть поистине выдающимися».

Карамор многозначительно кивнул: «Они весьма необычны». Он встал, отодвинул панель стенного шкафа и вернулся к столу с плоской жестяной баночкой, украшенной выпуклыми красными, синими и желтыми эмблемами.

«Сардины в вашем распоряжении», – Карамор сел, наблюдая за реакцией гостя.

На баночке было написано: «Высококачественные отборные сардины в растительном масле. Изготовитель: Чандарийская консервная фабрика, Чандария».

Магнус Ридольф поднял тонкие белые брови: «Рыбу импортируют с Чандарии? Далековато».

«Это лучшие сардины из всех доступных! – заверил его Карамор. – Лучше всех, какие производятся на Земле – первоклассный деликатес. Само собой, они дороже обычных».

«На первый взгляд может показаться, что импорт сардин с далекой планеты – не слишком выгодное дело», – с сомнением заметил Ридольф.

«И в этом вы ошибаетесь! – заявил Карамор. – Следует учитывать, разумеется, что затраты на производство консервов невелики, это позволяет компенсировать стоимость перевозки. По сути дела, космическая доставка грузов обходится не так уж дорого. Мы извлекаем вполне достаточную прибыль».

Ридольф снова рассмотрел жестяную баночку: «Мы?»

«Джордж Доннелс, мой партнер в консервном бизнесе, и я. Я финансировал предприятие и занимаюсь сбытом. Доннелс руководит консервной фабрикой и рыбным промыслом».

«Понятно», – довольно-таки безразлично отозвался Ридольф.

«Несколько месяцев тому назад, – нахмурившись, продолжал Карамор, – Доннелс предложил выкупить мою долю в предприятии. Я ответил, что еще подумаю об этом. После чего...» Карамор указал на жестянку пренебрежительным жестом: «Откройте ее».

---

¹ В каталоге Помукка-Дена, последнего из императоров Гондваны, перечислены семь тысяч «столетних» изделий, 136 «тысячелетних» работ и четырнадцать «десятитысячелетних» артефактов. Ходили слухи, что где-то во внутренних областях материка завершалась обработка «стотысячелетнего» опуса, гигантского резного турмалина.

Магнус Ридольф наклонился над баночкой, приподнял ярлычок и нажал на маленькую кнопку, высвобождавшую крышку... Раздался громкий хлопок. Крышка выскочила, как пробка из бутылки шампанского, а содержимое жестянки разлетелось во все стороны.

Ридольф снова поднял брови, откинулся на спинку стула и провел пальцами по своей бороде, вычищая из нее кусочки рыбы. «Впечатляющий эффект, не могу не признать! – произнес он. – Какие еще эксперименты вы хотели бы поставить с моим участием?»

Карамор поднялся на ноги и принялся расхаживать вдоль стола: «Поверьте мне, Магнус, я был удивлен не меньше вашего. Не ожидал ничего подобного...»

«А чего вы ожидали? – сухо поинтересовался Ридольф. – Что из банки вылетят птички?»

«Нет, нет! Вы же знаете, Магнус, я ни за что не стал бы устраивать такие глупости ради забавы!»

Вытирая лицо салфеткой и облизывая губы, Магнус Ридольф любопытствовал: «Так чем же объясняется этот... скажем так, феномен?»

Карамор снова сел за стол: «Не знаю. Меня это беспокоит. Хочу понять, в чем дело. На протяжении последней недели я открыл дюжину банок с сардинами. Примерно с половиной из них все было в порядке. А другие... другие были так или иначе испорчены, причем намеренно. В одну банку кто-то положил, внутри сардин, кусочки тонкой проволоки. В другой рыба пахла нефтью. Из третьей банки омерзительно воняло. Ничего не понимаю! Кто-то явно вознамерился подорвать репутацию Чандарийской консервной фабрики».

«Как давно наблюдается этот саботаж?»

«Насколько мне известно, пострадала только последняя партия. До сих пор наша продукция заслуживала только похвальные отзывы».

«Кого вы подозреваете?»

Карамор развел большими руками: «Понятия не имею! Доннелсу это очевидно невыгодно – если только он не решил, что может таким образом заставить меня уступить ему долю предприятия. Но я не думаю, что он настолько глуп. Надеюсь, вы согласитесь провести расследование – в моих интересах».

Магнус Ридольф задумался. «Что ж, – сказал он наконец, – в настоящее время я ничем не занят».

Карамор повеселел: «Экспортные пломбы, кстати, в целости и сохранности».

«Ящики запечатывают перед отправкой с фабрики?»

«Разумеется».

«В таком случае очевидно, что саботаж имеет место на производстве».

Магнус Ридольф прибыл на пассажирском пакетботе в Город Тысячи Красных Свечей на Родопе, четвертой планете Фомальгаута, и остановился в гостинице «Эрнст Делабри».

Он с удовольствием поужинал в тихом кафе под открытым небом, после чего нанял прогулочную весельную баржу и катался по каналам до наступления ночи.

На следующее утро Ридольф изменил внешность. Расставшись с белой блузой, расшитой голубыми узорами, он надел поношенный коричневый рабочий комбинезон и натянул на взлохмаченную белую шевелюру серую матерчатую кепку. Затем, перейдя по мосту через Королевский канал и оставив позади Паналазу, он углубился в Старый Город и повернул по грязноватой улочке туда, где находилось Центральное бюро трудоустройства.

Очереди в этом учреждении не было. За ползущими по экрану строками объявлений о вакансиях апатично наблюдали несколько людей, пара непрерывно дрожащих вибраторов, тесная группа соединивших конечности антропоидов из системы Капеллы, один желтокрыл и полдюжины туземцев-родопийцев. На стене висела заметная табличка, не привлекавшая, однако, почти никакого внимания присутствующих:

~ КОНСЕРВНОЙ ФАБРИКЕ НА ЧАНДАРИИ ~
~ СРОЧНО ТРЕБУЮТСЯ РАБОТНИКИ! ~

Магнус Ридольф подошел к окошку для выдачи направлений. Бархатнокожий клерк-родопиец вежливо втянул голову, выдвинул ее и прошепелявил: «Слушаю вас, сударь?»

«Я хотел бы устроиться на Чандарийском консервном заводе», – сказал Ридольф.

Родопиец бросил на него взгляд темно-коричневых тюленых глаз: «В каком качестве?»

«Какие вакансии там открыты?»

Родопиец просмотрел список: «Электрик – триста валюттов. Механик по обслуживанию подающего накопителя – триста двадцать. Сварщик – двести девяносто валюттов. Разнорабочий – двести».

«Хм! Канцелярской работы нет?» – спросил Ридольф.

«В настоящее время нет».

«Я мог бы работать электриком».

«Понятно, сударь, – отозвался родопиец. – Не могли бы вы предъявить удостоверение члена профсоюза квалифицированных электриков?»

«Какая жалость! Я забыл взять его с собой».

Родопиец слегка оскалил тупые розовые зубы: «Я могу выдать вам направление разнорабочего. Профсоюзный уполномоченный определит круг ваших обязанностей непосредственно на производстве».

«Что ж, придется сделать так», – вздохнул Магнус Ридольф.

Завербованных рабочих на Чандарию перевозило грузовое судно – тряская металлическая посуда, насквозь пропитанная запахами раскаленного масла, пота и аммиака. Ридольфа и дюжину других «пассажиров» разместили в пустом трюме. Они ели в кают-компании вместе с командой; ежедневно каждому выдавали по два литра воды для мытья. Курить на борту было запрещено.

Трудно было бы сказать об этой поездке что-нибудь еще. Впоследствии Магнус Ридольф старался вытеснить ее из памяти. Когда, наконец, рекруты спустились вереницей на поверхность Чандарии, моргая от непривычного света, Ридольф уже выглядел как настоящий безработный – пожилой субъект с неопрятной грязноватой бородой и слипшимися поникшими волосами, он мало отличался от своих спутников.

На первый взгляд ландшафт производил впечатление унылого, бескрайнего водного пространства под блуждающими ключьями тумана, подсвеченного бледным красновато-коричневым заревом. На Чандарии, древней планете древнего красного солнца, так называемая «суша» – мрачноватая плоская трясина, затянута непрерывно морозящей, медленно ползущей дымкой – почти не возвышалась над уровнем моря.

Несмотря на почтенный возраст Чандарии, скудная туземная флора ограничивалась тростниками и несколькими разновидностями древовидных папоротников. Моря кишели простейшими организмами, и, не встречая никаких хищников или естественных конкурентов, двадцать тысяч сардин, первоначально выпущенных в местные воды, размножились с поразительной быстротой.

Как только новоприбывшие вышли из трюма грузового судна, их встретил молодой человек с землистой «лошадиной» физиономией, очень широкими плечами и очень узкими бедрами.

«Возьмите свой багаж и следуйте за мной!» – сказал он.

Рекруты послушно побрели по хлюпающей под ногами почве. Тропа вела в туман – на протяжении полукилометра вокруг ничего нельзя было различить, кроме луж застойной воды и редких трухлявых деревьев, протягивавших из дымки тени голых ветвей.

Через некоторое время туман слегка рассеялся – впереди показалась группа длинных приземистых зданий; за ними раскинулись бескрайние топи, заросшие тростниками и блестящие заводями.

«Вот спальный барак для тех, кому нужно спать, – сообщил молодой человек людям и антропоидам, ткнув большим пальцем в сторону одного из строений. – Заходите, зарегистрируйтесь у администратора. Желтокрыл, портмар и родопиец, вам отвели другие помещения – пойдемте, я покажу».

Поднимаясь по прогнившим ступеням крыльца, Магнус Ридольф горестно покачал головой. Пожалуй, его профессиональная карьера достигла точки, противоположной zenиту. Копаться в рыбьих кишках за двести валютонтов в месяц? Ридольф скорчил гримасу и зашел в спальный корпус.

Он нашел незанятую каморку, бросил на койку походную сумку и прошел в «комнату отдыха», где от всего и от всех разило рыбой. Вдоль стен, обшитых некрашеной фанерой, тянулись тусклые алюминиевые стропила. На дешевом телеэкране в конце помещения полногрудая молодая женщина пела и кривлялась, уделяя телодвижениям не меньше внимания, нежели пению.

Магнус Ридольф снова вздохнул и осведомился о местонахождении администратора.

Его назначили потрошильщиком №4. Обязанности потрошильщика были просты. Примерно каждые три минуты он нажимал на рычаг, поднимавший заслонку. Вместе с бурным потоком воды, поступающей снаружи из пруда-накопителя, тысячи сардин беспомощно спускались по желобу во внутреннюю полость машины, где механические пальцы, прорези и воздушные струи сортировали их по размерам и подталкивали к блестящим разделочным ножам. В конечном счете промытые чистой водой сардины сбрасывались на несколько конвейерных лент, с которых стоявшие строем расфасовщики подбирали все еще похлопывающие хвостами тушки и засовывали их в жестянки.

Расфасовкой занимались главным образом баншу с находившейся неподалеку 12-й планеты системы Таддеуса – существа с шишковатым серым торсом и дюжиной трехпалых щупалец, одноглазые, с дополнительными мыслительными органами на концах щупалец.

После расфасовки жестянки заполняли маслом, закрывали крышками, выдерживали в нескольких последовательных печах с электронным управлением и, наконец, складывали в ящики. Ящики, готовые к экспорту, запечатывали пломбами.

Внимательно изучив производственный процесс, Ридольф пришел к выводу, что последовательность операций была достаточно эффективна и хорошо организована. Единственным не механизированным этапом оставалась расфасовка сардин работниками-баншу. Наблюдая за стремительными движениями их щупалец над конвейерной лентой, Ридольф убедился в том, что в этом отношении никакой механизм не сравнится бы с баншу в проворстве и ловкости.

Ридольф не забывал, что где-то, на какой-то стадии этого процесса кто-то испортил и, возможно, продолжал портить сардины. Где и как? В данный момент ответа на этот вопрос не было.

Магнус Ридольф пообедал в соседнем кафетерии. Там кормили сносно – предварительно приготовленные на Земле блюда подогревали в запечатанных лотках. Возвращаясь на рабочее место потрошильщика №4, Ридольф заметил дверь, ведущую из цеха на дощатый настил.

Не торопясь приступить к работе, Магнус Ридольф вышел наружу. Настил держался на сваях, вбитых в дно трясины, и продолжался вокруг всей фабрики. Ридольф повернул к океану, надеясь взглянуть на рыболовный флот консервного предприятия.

Туманная дымка в какой-то мере рассеялась, открывая вид на бесконечные грязевые отмели, заросшие тростником – где-то вдали тускло блестели застойные воды морского залива. Островки суши можно было отличить от отмелей только благодаря редким цикадофитам, распустившим темные перистые листья навстречу огромному мрачному солнцу. Унылый пейзаж

заж вызывал неизъяснимую подавленность: в этом мире не было никакой радости, никакой надежды.

Ридольф обратил внимание на пруд-накопитель – мелководный бетонный бассейн метров пятнадцать в длину и метров шесть в поперечнике, с метровым проемом в стене, обращенной к морю. Подойдя поближе, Ридольф увидел, что проем этот был затянут сетчатой мембраной из прозрачных щетинок с направленными внутрь острыми концами – щетинки позволяли сардинам заплывать в бассейн, но преграждали им обратный путь.

Ридольф наблюдал. Тусклая поверхность заводи начала рябиться. На ней поблескивали тысячи маленьких плавников – в бассейн юркнула одна рыбка, за ней еще сотня, за ними – тысячи и тысячи; весь пруд-накопитель словно вскипел, наполненный трепещущими живыми существами.

Магнус Ридольф почувствовал, что за ним кто-то следит. Подняв глаза, он увидел стоявшего с другой стороны пруда широкоплечего молодого человека с продолговатым землистым лицом. На нем были краги, высокие мягкие сапоги из нейластика и желтовато-коричневая куртка; он решительными шагами направился к Ридольфу: «Что вы здесь делаете? Разве вам не полагается быть на рабочем месте?»

«Я здесь работаю, совершенно верно, – успокоительным тоном ответил Ридольф. – Я, как бы это выразиться... управляю потрошильной машиной. В данный момент я решил прогуляться, потому что только что пообедал».

Рот молодого человека pokrивился: «Свисток прозвучал полчаса тому назад. Здесь не дом престарелых – вас сюда везли три световых года не для того, чтобы вы любовались видами!»

«Как вы справедливо заметили, свисток уже прозвучал, и я сейчас же вернусь на рабочее место. Кстати... Не могу ли я поинтересоваться, с кем имею честь разговаривать?»

«Моя фамилия – Доннелс. Я плачу вам за работу».

«А! Понятно, понятно! – кивая на ходу, Магнус Ридольф направился к потрошильной машине.

Работа потрошильщика была неустойчивой, но однообразной. Заслонка открывалась и закрывалась, снова открывалась и снова закрывалась – иногда, если перед сепараторами скапливалось слишком много лихорадочно плещущих серебристых рыбок, приходилось расчищать затор. У Ридольфа было более чем достаточно времени для размышлений.

Тем не менее, ситуация не изменилась – ничто не позволяло объяснить таинственную порчу консервов. Легче всего заниматься саботажем было бы Джорджу Доннелсу, но, насколько мог судить Ридольф, фабрика функционировала безотказно. Верно, Доннелс хотел выкупить долю капитала предприятия, принадлежавшую Карамору, но почему бы он ставил под угрозу репутацию своей собственной продукции?

Тем более, что он располагал сырьем несравненного качества – Магнус Ридольф не мог не отметить, что чандарийские сардины были крупнее и упитаннее экземпляров, изображенных на экране мнемифота. По-видимому, местные условия особо благоприятствовали этой рыбе – или, возможно, Доннелс заселил чандарийские моря исключительно отборными особями.

Заслонка открывалась и закрывалась. Ридольф начинал замечать в потоке сардин, поступавшем из накопителя каждые три минуты, некую повторяющуюся закономерность. Сначала проскальзывала одна рыбка – пожалуй, покрупнее остальных; затем, словно лихорадочно соревнуясь, к ножам сепаратора бросалась толпа других. При этом не было никаких колебаний или задержек – сардины каждый раз проявляли полное единомыслие. Как только открывалась заслонка, в сепаратор поспешно проникал вожак косяка, а вслед за ним возбужденно устремлялись тысячи последователей.

В количественном отношении персонал консервной фабрики состоял прежде всего из баншу; второе место занимали антропоиды с планет Капеллы, третье – люди, и последнее – ториклы с Кордована. Представители различных рас пользовались отдельными спальными корпусами и трапезными помещениями, хотя заполненные теплым бульоном баки, где отдыхали баншу, или герметизированные ячейки для уроженцев системы Капеллы можно было назвать «спальными» лишь с некоторой натяжкой.

Приняв душ и поужинав, Магнус Ридольф забрел в «комнату отдыха». Телеэкран на какое-то время выключили; за парой столов работники развлекались игрой в карты. Ридольф присел на скамью рядом с коренастым лысым субъектом с пухлыми щеками и голубыми свинячьими глазками – тот просматривал послеполуденную распечатку сводки новостей.

Вскоре сосед Ридольфа отложил распечатку в сторону, потянулся, разводя в стороны толстые руки, и громко рыгнул. Сохраняя самое серьезное выражение лиц, Ридольф вежливо предложил ему сигарету.

«Не прочь закурить, благодарствуем!» – радостно откликнулся коренастый тип.

«Тут скучновато, не правда ли?» – завязал разговор Магнус Ридольф.

«Это уж точно! – новый знакомый Ридольфа выпустил струю дыма в уже довольно-таки душливую атмосферу. – Я собираюсь унести ноги из этого болота на следующем корабле».

«Казалось бы, компания могла бы позаботиться о более разнообразных развлечениях для персонала», – сказал Ридольф.

«О, они делают деньги! Их больше ничего не интересует. Никогда еще не работал в таких паршивых условиях. Оплата по минимальной ставке, разрешенной профсоюзом – и никаких премиальных, ничего такого».

«Меня озадачивает одно обстоятельство...» – начал было Ридольф.

«Меня в этой жизни многое озадачивает!» – не преминул поделиться лысый субъект.

«Что привлекает рыбу в накопитель?»

«А! – сосед сосредоточенно выпустил облако дыма. – Предполагается, что в пруд засыпают приманку. Сардин слишком много – они такие голодные, что набрасываются на все, что угодно. Доннелс экономит таким образом – получает рыбу задаром, можно сказать. Рыба размножается на воле, он не платит ни гроша за ее разведение и ловлю».

«А где он живет, этот Доннелс?» – поинтересовался Ридольф.

«У него уютный маленький коттедж за лабораторией».

«Ах да, за лабораторией... – Магнус Ридольф понимающе кивнул и погладил белую бородку. – Где эта лаборатория? Я ее что-то не приметил».

«Недалеко, в конце тропы, если идти вдоль берега».

«Понятно».

Через некоторое время Ридольф поднялся на ноги и бесцельно побродил по «комнате отдыха», после чего выскользнул из барака под ночное небо.

Чандарию не сопровождали луны, а из-за плотного тумана с поверхности планеты невозможно было различить звезды. Магнус Ридольф сделал десять шагов и оказался в кромешной тьме. Включив карманный фонарик и осторожно выбирая путь среди трясин, он нашел, наконец, тропу, ведущую к лаборатории – выложенную гравием дорожку, сухую и плотную.

Вступив на эту дорожку, Ридольф потушил фонарик и остановился, напрягая слух. Издалека, со стороны фабрики, доносились голоса; где-то раздавалось тихое пискливое верещание – антропоиды слушали музыку.

Нащупывая гравий ступнями, Ридольф продолжал идти по дорожке, часто останавливаясь и прислушиваясь. Прошло довольно много времени; мрак был настолько густым, что, казалось, нехотя расступался, обвывая лицо при ходьбе. В тумане появился ряд мутно светящихся окон. Магнус Ридольф подошел как можно ближе к одному из окон, встал на цыпочки и заглянул внутрь.

Он увидел оборудование, типичное для биологической лаборатории. Доннелс и худощавый темнокожий человек в белом халате стояли и разговаривали около контейнера, формой напоминавшего вертикально поставленный гроб.

Ридольф смотрел во все глаза. Доннелс взял большие кусачки и разрезал металлические ленты обвязки контейнера. Боковые стенки из волоконного пластика откинулись. Доннелс сорвал упаковочную прокладку – под ней стоял новый, явно еще ни разу не использованный водолазный костюм: полужесткая оболочка с прозрачным шлемом, генератором кислорода и двигательным ранцем.

Отбросив мусор носком сапога, Доннелс любовался полученным скафандром с очевидным удовлетворением. Магнус Ридольф пытался расслышать хоть несколько слов, чтобы понять, о чем шел разговор, но тщетно – в окне было установлено изостекло. Ридольф пробежался ко входной двери и приоткрыл ее.

Послышался лениво-протяжный голос Доннелса: «Будем надеяться, что эта штука не подведет – она обошлась мне в четыреста пятьдесят валюнтов».

«Подойдет ли нам скафандр? Вот в чем вопрос».

«Подойдет! – ответ Доннелса прозвучал уверенно, даже заносчиво. – Течения здесь практически нет. Я смогу обогнуть всю колонию за пять минут – и, прежде чем они поймут, что происходит, стессонит перебьет их, как мух».

«Ха-хм! – техник прокашлялся. – Они вас заметят... ха-хм!.. так же, как в прошлый раз, когда вы попытались их взорвать».

«Черт возьми, Нэйл! Нельзя же быть таким пессимистом! – настаивал Доннелс. – Я подберусь по дну. Скафандр гораздо труднее заметить, чем лодку. Причем скафандр движется быстро – не медленнее, чем они плавают. Никто никого не успеет предупредить. В любом случае, я попробую. Попытка – не пытка, не так ли? Как продвигается тренировка твоих подопечных?»

«Неплохо, совсем неплохо. Две особи в аквариуме D готовы к занятиям по пятой таблице, а особо крупный экземпляр в аквариуме H уже перешел к восьмой».

Магнус Ридольф слегка выпрямился, но тут же нагнулся, прислушиваясь еще внимательнее.

«По методу Барнетта? – донесли слова Доннелса. – Как насчет рыбешки, которая плавает одна?»

«А! Сметливая тварь! – отозвался Нэйл. – Иногда мне кажется, что она понимает больше, чем мы».

«Вот она-то и сделает нас обоих миллионерами! – обычно монотонный голос Доннелса приобрел какую-то выразительность. – Если, конечно, мне удастся выкупить долю Карамора».

Наступило молчание. Магнус Ридольф услышал звук шагов и метнулся за угол – как раз вовремя. Появилась широкоплечая фигура, Доннелс покинул лабораторию.

Нэйл подошел ближе к окну, сделал несколько шагов в сторону и наклонился, приоткрыв рот и наблюдая за чем-то, что находилось за пределами поля зрения Ридольфа. Магнус Ридольф прикусил губу, поглаживая бородку. В его уме формировались гипотезы, но их неизбежные последствия заставляли его отвергать их одну за другой. Нэйл вышел из лаборатории через дверь в дальнем углу помещения. По всей видимости, он жил в пристройке.

Ридольф встрепенулся: необходимо было получить дополнительные сведения. Решительно направившись ко входной двери, он спокойно зашел в лабораторию – так, будто это было в порядке вещей.

Его окружало стандартное оборудование: позитронный проектор со смотровым экраном, регулируемый источник радиоактивного излучения, микроскопы – оптический и квантовый, прецизионные весы, автоматический диссектор, генетические калибраторы, мутацион-

ные боксы. Ридольф почти не обратил внимания на приборы. Рядом стоял водолазный костюм. «Главное – прежде всего», – подумал Ридольф. Он тщательно изучил устройство скафандра.

«Превосходный аппарат! – говорил себе Магнус Ридольф. – В высшей степени удачная конструкция, высококачественные материалы. Жаль, что его придется испортить». Пожав плечами, Ридольф протянул руку и отсоединил головку герметизирующей застежки – небольшой, прецизионно обработанный металлический компонент, без которого скафандр не мог сохранять водонепроницаемость.

В углу мелькнуло движение: Нэйл! Магнус Ридольф бесшумно шагнул к выходу – но лаборант успел заметить его.

«Эй! – закричал техник в белом халате. – Чем вы тут занимаетесь?» Нэйл бросился вдогонку: «Стойте, идите сюда!» Но Ридольф уже скрылся в ночной мгле Чандарии.

Туман вспыхнул молочным сиянием – яркий луч фонаря, направленный вдоль гравийной дорожки, сосредоточился на силуэте Ридольфа.

«Эй, там!» – взревел Нэйл. Магнуса Ридольфа удивила способность субъекта столь щедрого телосложения так громко кричать. Послышался топот ног неугомонного лаборанта, оказавшегося вдобавок энергичным и проворным.

Топот приближался – Ридольф спрыгнул с дорожки в болото и тихо застонал, погрузившись по колено в холодную липкую грязь. Тем не менее, он пригнулся и лег в трясину плашмя. Луч фонаря Нэйла промелькнул у него над головой, поспешные шаги удалились. Снова наступила темнота.

Магнус Ридольф выбрался из болота на дорожку и стал осторожно возвращаться к баракам.

В навязчивом тумане, как во сне, появились размытые огни – до барака оставалось еще метров сто. На фоне огней сновала какая-то тень. Нэйл?

Ридольф повернул налево и пробежал как можно быстрее – насколько позволяли его старые ноги – и как можно дальше. Теперь он мог незаметно подойти к заднему крыльцу барака. Сразу направившись в душевую, он промыл грязную одежду.

Вернувшись в «комнату отдыха», он нашел лысого коренастого знакомого там же, где тот находился прежде. Ридольф уселся рядом. «Насколько я понимаю, – сказал он, – Доннелс производил какие-то взрывные работы в море».

Лысый ветеран консервного производства хохотнул: «Было такое дело! Какого черта это ему понадобилось, не могу сказать. Иногда мне кажется, что у него – не все время, а так, приступами – не все дома. Вспыльчивый он какой-то, легко раздражается».

«Надо полагать, он глушил рыбу?» – предположил Ридольф.

Его знакомый пожал плечами и затянулся сигаретой: «Море кишит сардинами! Каждый день в накопитель набиваются сотни тонн рыбы, причем добровольно! А ему мало, он еще и глушить ее собрался? Вряд ли. Доннелс еще не настолько спятил».

«А где и что он взрывал?»

Собеседник сосредоточил на лице Ридольфа голубые свинячьи глазки: «Что ж, я вам скажу – хотя не вижу, какое это может иметь значение. Взрывы раздавались неподалеку от берега – там, где оконечность мыса выдается в океан. На мысу растут три высоких дерева, примерно в полутора километрах отсюда».

«Странно!» – пробормотал Магнус Ридольф. Вынув из кармана небольшой металлический компонент, он повертел его в пальцах: «Странно!» Сардины сами бросаются, сломя голову, в консервные банки. Доннелс и Нэйл применяют в аквариумах какой-то «метод Барнетта». Доннелс желает взорвать и погубить нечто, обитающее в океане. Не говоря уже об испорченных консервах...

Когда на следующий день Ридольф вернулся к выполнению обязанностей потрошителя, где-то на окраинах его ума уже брезжила – подобно силуэту древовидного папоротника,

проглядывающему сквозь чандарийский туман – теория, способная объяснить происходящее. Ридольф наклонился над желобом с плещущей рыбой; глаза его горели под белыми бровями, он даже позволил себе – впервые за много лет – немного взволноваться.

Заслонка открылась – в сепаратор хлынула рыба. Заслонка закрылась. Заслонка открылась – по желобу струился блестящий поток серебристых сардин. Заслонка закрылась. Заслонка открылась – в сепаратор проскользнула первая рыбка, за ней – сотни, тысячи других. Заслонка закрылась.

Магнус Ридольф заметил, что первой в желобе непременно появлялась одинокая рыбка, а за ней уже следовал целый косяк других. Приглянувшись внимательнее к устройству потрошильной машины, Ридольф обнаружил почти незаметный боковой канал, по которому первая рыбка ускользала, пока ее сородичи плыли на верную смерть.

Магнус Ридольф задумчиво поискал вокруг, нашел тряпку, нагнулся, протянув руку в недра механизма, и заткнул тряпкой боковой канал. Заслонка открылась. Головная сардина плюхнулась в желоб, за ней слепо последовала масса глазастых голов, трепещущих плавников и хвостов. Рыбка-предводительница бросилась к боковому каналу и стала лихорадочно тыкаться в тряпку. Поток других сардин подхватил ее. Отчаянно работая хвостом, первая сардина пыталась плыть против течения, но исчезла под ножами. Заслонка закрылась. Заслонка открылась. Первую рыбку, неспособную проникнуть в заткнутый тряпкой боковой канал, унесло вместе с другими навстречу неминуемой смерти.

Шесть раз повторялась та же последовательность событий. Затем, когда Магнус Ридольф снова открыл заслонку, поток сардин прервался. Сепаратор опустел. Ридольф нагнулся, удалил тряпку из бокового канала и присел на табурет, невинно разглядывая желоб.

Через некоторое время к нему поспешно подошел бригадир: «В чем дело? Что случилось?»

«По-моему, сардины о чем-то догадались и опасаются подплывать к заслонке», – наивно предположил Магнус Ридольф. Бригадир смерил его презрительным взглядом: «Открывайте заслонку, как положено и поменьше рассуждайте!» Бригадир отвернулся.

Через десять минут, когда Ридольф открыл заслонку, поток сардин снова ворвался в желоб. Бригадир подошел поближе, понаблюдав за происходящим пару минут, убедился в том, что рыба поступает в потрошильную машину, и удалился. Магнус Ридольф снова заткнул боковой канал тряпкой. По окончании шести циклов желоб сепаратора опустел. Ридольф тут же вынул тряпку.

Прибежал бригадир. Магнус Ридольф скорбно покачал головой, изобразив извиняющуюся улыбку.

«Это недопустимо! Так нельзя! – воскликнул бригадир, разводя руками. – Что тут делается?»

Он убежал и скоро вернулся вместе с исключительно недовольным Доннелсом.

Доннелс нагнулся, глядя в желоб, нащупал рукой боковой канал. Выпрямившись, он с подозрением покосился на Ридольфа – тот ответил непонимающим взглядом.

«Подбросьте в накопитель еще один выводок, – сказал бригадиру Доннелс. – И проследите за ними. Узнайте, что происходит».

«Будет сделано!» – бригадир убежал.

Доннелс повернулся к Ридольфу. Его землистое лицо словно окаменело, уголки рта заметно опустились: «Вы прибыли на последнем корабле?»

«Кажется, с тех пор других не было, – отозвался Магнус Ридольф. – Отвратительные условия перевозки, надо сказать! В трюме было не продохнуть, да и кормили какой-то тухлятиной».

Тонкие губы владельца предприятия слегка задрожали: «Где вы получили направление?»

«На Родопе. Прекрасно помню, как это было – я...»

«Хорошо, хорошо!» – прервал его Доннелс. Помолчав немного, он заметил: «Возникает впечатление, что вы человек сообразительный».

«Хм! – Ридольф изобразил оживленный интерес. – Если вы предлагаете продвижение по службе, я не прочь был бы занять более ответственную должность. Какая-нибудь канцелярская работа меня вполне устроила бы».

«Как человеку сообразительному, – продолжал Доннелс сдержанным, но слегка угрожающим тоном, – настоятельно рекомендую вам сосредоточиться на выполнении непосредственных обязанностей и не интересоваться ничем другим».

«Как прикажете», – с достоинством ответил Ридольф.

Бригадир вернулся. Доннелс подал знак Ридольфу. Заслонка открылась, желоб снова наполнился рыбой.

Доннелс стоял за спиной Ридольфа не меньше двадцати минут, а бригадир продолжал наблюдать за желобом еще минут десять после того, как директор предприятия ушел.

Магнус Ридольф безукоризненно выполнял порученные ему функции до конца смены – хотя, исключительно для развлечения, он время от времени запускал руку в желоб и награждал рыбку-предательницу болезненным щелчком; та скоро научилась держаться от него подальше. Вскоре, однако, Ридольф прекратил это занятие – он устал нагибаться и ловить момент, когда можно было бы наказать безнравственную сардину.

Магнус Ридольф сидел на влажной скамье перед спальным корпусом и разглядывал окрестности. Ничего интересного вокруг не было. Огромное красное солнце, время от времени почти исчезающее за пеленой испарений, висело над самым горизонтом. Впереди простирались грязевые отмели и отливающий свинцовым блеском океан; слева теснились корпуса консервного завода и склады. Справа, в двухстах метрах ходьбы по гравийной дорожке, можно было видеть лабораторию.

Ридольф опустил руку в карман, чтобы достать сигару, но вспомнил, что не взял с собой сигары, когда отправлялся на Чандарию; сигареты, которые продавали в здешней лавке, скорее оскорбляли, нежели удовлетворяли его потребность в курении.

Рядом с лабораторией что-то происходило. Ридольф выпрямился на скамье. Доннелс и Нэйл вышли в сопровождении двух работников-антропоидов; антропоиды несли водолазный костюм.

Магнус Ридольф поджал губы. По-видимому, никто не обратил внимания на поврежденную застежку скафандра.

Два человека и два антропоида приблизились и повернули к пристани консервной фабрики; проходя мимо, Доннелс бросил на Ридольфа пристальный взгляд.

Как только эта группа скрылась за углом, Магнус Ридольф встал и бодро направился по дорожке, ведущей к лаборатории. Никто не позаботился закрыть дверь на замок – Ридольф зашел внутрь и сразу приблизился к той стене, которую он раньше не мог увидеть через окно.

Вдоль стены стояли застекленные резервуары, полные сардин. Одни мирно плавали туда-сюда, другие держались поближе к стеклу и напряженно всматривались наружу. Различия между отдельными особями были очевидны.

У некоторых сардин были гипертрофированные хвосты, а форма их голов напоминала о рептилиях. Другие походили скорее на головастика – их рудиментарные хвостики, соединенные с непомерно развитыми черепными коробками, едва шевелились. Выпученные глаза разглядывали Ридольфа – глаза-пузыри, огненно-красные глаза, угольно-черные глаза. За одной из рыбок волочилась целая цепочка плавников, у другой росли рожки на лбу.

Магнус Ридольф бесстрастно изучал мутантов. Он уже видел подобные эксперименты – уродливые искажения различных характеристик – в других биологических лабораториях, в том

числе в печально знаменитой клинике на Пандоре... Ридольф сосредоточился на текущем расследовании: он искал одинокую рыбку, о которой Нэйл отозвался как о «сметливой твари».

Она плавала в угловом аквариуме – нормальная во всех отношениях сардина, разве что голова у нее была покрупнее.

«Так-так! – пробормотал Магнус Ридольф. – Посмотрим!» Наклонившись к стеклу аквариума, он разглядывал сардину – та отвечала немигающим, невыразительным взглядом рыбьих глаз. Ридольф отвернулся, поискал вокруг... Ага! На столе лежал сборник из двадцати таблиц с длинным заголовком: «Установление связи с разумными существами нечеловеческого происхождения по методу Барнетта».

Ридольф развернул первую таблицу и подошел к угловому аквариуму – рыбка подплыла поближе к стеклу.

«Первоначальное установление связи». Ридольф прочел инструкции и подал соответствующий сигнал. Рыбка нырнула на дно аквариума, подобрала ртом кусочек металла, вернулась к стеклу и постучала по нему: раз, два раза, еще раз.

Ридольф не стал сверяться с таблицей; ошибочно истолковать этот код было бы невозможно. «Продолжай!» – сообщала рыбка.

Ридольф наклонился над таблицей, тщательно выбирая коды, и стал постукивать по стеклу, часто задерживаясь, чтобы убедиться в том, что рыбка его понимает: «Человек-инструктор... желать... использовать... тебя. Цель... ущерб... твоя категория. Я... (отрицание) знать... метод».

Сардина простучала по стеклу: 5—3—5; 4—3—2; 5—6—1; 2—6—3—4.

Ридольф расшифровал коды с помощью таблицы: «Моя категория... существовать... место (неопределенность, вопрос)?»

Ридольф просигналил ответ: «Крупный (усилительное значение) ... протяженность... вода... существовать... извне. Множество (усилительное значение) ... твоя категория... существовать. Категория... человек-инструктор... убивать... твоя категория... употреблять в пищу... твоя категория».

«Цель (вопрос) ... твоя?» – кратко поинтересовалась рыбка.

«Сложная, – просигналил Ридольф. – Конструктивная. Ты... желать (вопрос) ... покинуть... аквариум... присоединиться... множество... твоя категория?»

Рыбка нерешительно постучала по кусочку металла: «Пища (вопрос)?»

«Множество, – ответил Ридольф. – Плавать... протяженность (усилительное значение) ... (отрицание) препятствие».

Рыбка развернулась, блеснув плавниками, и спряталась в темном углу аквариума. Через некоторое время, когда Магнус Ридольф уже начинал беспокоиться, сардина снова подплыла к стеклу и два раза стукнула по нему.

Ридольф нашел в лаборатории ведро и опустил его в аквариум – сардина испуганно метнулась в сторону. Волей-неволей, однако, ей пришлось оказаться в ведре, и Ридольф вынес ее из лаборатории, предварительно засунув в карман таблицы Барнетта.

Он быстро прошел по гравийной дорожке и повернул было к пристани, но тут же заметил шагавших навстречу Доннелса и Нэйла; землистая физиономия Доннелса хмурилась, словно разделенная морщинами на отдельные сегменты. Магнус Ридольф предусмотрительно поставил ведро у стены барака и мирно сидел на скамье, когда Доннелс и Нэйл проходили мимо.

«Вчера вечером все было в порядке, застежка работала, как положено – я в этом совершенно уверен!» – говорил Нэйл. Доннелс раздраженно качал головой.

Как только они удалились, Ридольф взял ведро и снова направился к пристани.

Скафандр стоял на краю причала и был бы готов к погружению, если бы не отсутствие компонента застежки. Рядом лодырничали два антропоида из системы Капеллы, не проявлявшие никакого интереса к происходящему.

Магнус Ридольф погладил подбородок: водолазный костюм был под рукой, застежку он мог починить – почему нет? Сначала он хотел просто выплеснуть рыбку из ведра в океан, но теперь передумал. Вместо этого он подошел к скафандру и внимательно осмотрел его. На нагрудной пластине находились два прибора с циферблатными индикаторами: один контролировал подачу воздуха в оболочку, другим регулировался струйный привод скафандра. Просто и удобно!

Ридольф присоединил похищенную головку к герметизирующей застежке и, покосившись на двух антропоидов, залез в водолазный костюм и застегнул его. Антропоиды тревожно переминались с ноги на ногу – будучи разумными существами, они понимали, что творится что-то неладное, но им никто не приказывал предотвращать такое вмешательство. Спихнувшись в последний момент, Ридольф расстегнул оболочку и переместил таблицы Барнетта в наружный карман водолазного костюма, после чего снова застегнулся.

На поясе скафандра висели нож, топорик и переносной фонарь. Еще один фонарь был закреплен на макушке прозрачного шлема. Приподняв нагрудную пластину, Ридольф убедился в том, что приборы работали безотказно, и включил генератор воздуха.

Обернувшись через плечо, он заметил движение вдали, около лаборатории. Опустив ведро в вяло плещущую под пристанью воду, Ридольф неуклюже спустился с причала. Бросив последний взгляд на берег, он увидел, что к пристани бежал Джордж Доннелс – лицо директора фабрики было искажено яростью. За ним поспевал вприпрыжку Нэйл в развевающемся белом халате.

Магнус Ридольф постучал по ведру – он не был уверен, что правильно запомнил код, но надеялся, что не ошибся: «Плывать... близко... мне» – и тут же перевернул ведро. Сардина выскользнула и поплыла в море. Ридольф опустил под воду и включил струйный двигатель.

Ранец скафандра всасывал воду спереди и выталкивал ее сзади. Ридольф плыл под водой головой вперед. Раздался приглушенный хлопок: что-то прошипело, вспенивая воду рядом с прозрачным шлемом.

Ридольф повернул регулятор двигателя до отказа – оболочка костюма стала вибрировать под напором воды.

Через две-три минуты Ридольф замедлился и всплыл на поверхность. Пристань была уже метрах в четырехстах позади; на причале виднелась широкоплечая фигура Доннелса. Ридольф усмехнулся.

Слева вдавался в океан мыс, на котором росли три высоких дерева. Включив головной фонарь, Ридольф зафиксировал направление с помощью компаса, закрепленного на воротнике шлема, погрузился под воду и поплыл, подгоняемый струйным приводом.

Изумрудно-зеленая толща воды была прозрачнее, чем казалось с причала. Ридольф плыл в огромном подводном лесу, среди морских деревьев с изящной серебристой листвой и тонкими длинными стеблями, среди вертикально поднимавшихся из глубин светлых морских лоз, местами украшенных светящимися шарами.

«Скорее всего, это не растения, – думал Магнус Ридольф, – а группы полипов, подобные земным морским анемонам». Вспомнив о жалящих щупальцах «португальских корабликов» и прочих медуз, он держался подальше от светящихся шаров.

Всюду плавали сардины, косяк за косяком – миллионы сардин – луч головного фонаря скафандра высвечивал их серебристую чешую подобно лунному свету на ряби потревоженного ветром озера.

Время от времени Ридольф оглядывался – не появилась ли поблизости освобожденная гениальная рыбка? Даже если она была где-то рядом, он не мог отличить ее от других сардин.

Ридольф плыл дальше и дальше, подвешенный между зеркальной поверхностью моря и мутным мраком глубин, мимо покрытых илом отростков подводных возвышенностей, над внезапно развещающимися безднами, сквозь рощи морских деревьев.

Он еще раз поднялся на поверхность и откорректировал курс. Консервный завод превратился в беспорядочное скопление угловатых силуэтов на далеком сером берегу. Ридольф погрузился в воду и продолжил свое плавание.

Впереди белела какая-то стена. Ридольф повернул в сторону, замедлился и увидел, что ему преградила путь подводная дамба – нечто вроде протянувшегося по дну океана мощного крепостного вала из фельзита или кварцита. Магнус Ридольф осторожно подплыл поближе к стене и поднялся к ее плоскому каменному краю – здесь от поверхности залива его отделяли примерно пять метров.

Задумавшись, Ридольф почти неподвижно повис в воде. Где-то здесь – возможно, чуть дальше – Джордж Доннелс устраивал взрывы. Ридольф повернулся и медленно поплыл в желтовато-зеленом пространстве над плоским «парашетом» светлой каменной стены. Через некоторое время он снова остановился и повис в неподвижности.

Под ним к светлому камню словно прилипли десятки пузырей – довольно крупных, выстроившихся упорядоченными рядами сфер. Они казались упругими и слегка покачивались под воздействием случайных слабых течений. Внутри пузырей Магнус Ридольф заметил какие-то небольшие сложные устройства; некоторые устройства перемигивались зловещими бликами.

Ридольф внезапно почувствовал, что на него давит плотный косяк рыбы – он никогда еще не видел, чтобы рыба сгрудилась так тесно. Сардины медленно, но настойчиво толкали его. И теперь, глядя на их гипертрофированные черепные коробки, выпученные глаза и точные, слаженные, целенаправленные движения, Магнус Ридольф понял, наконец, что он раскрыл тайну Чандарийской консервной фабрики.

Кроме того, он ощущал нарастающее беспокойство. Зачем группа сардин подтаскивала к нему утяжеленный балластом пузырь?

Ридольф выхватил таблицы Барнетта из кармана водолазного костюма, нашел первый код и сообщил жестами о своих дружелюбных намерениях.

Несколько сардин подплыли ближе, внимательно наблюдая за его движениями. Одна из них – на взгляд Ридольфа ничем не отличавшаяся от множества других – приблизилась к шлему скафандра и постучала по нему: 1 – 2 – 1, «установить связь».

Магнус облегченно вздохнул и стал указывать символы, изображенные на таблицах: «Я... приходить... цель... помогать... ваша категория».

«Сомнение... Твоя категория... разрушать (вопрос)?»

«Моя категория... в доме... (отрицание) мои друзья. Я... конструктивно... друг... ваша категория».

«Твоя категория... цель... убивать... наша категория».

Магнус Ридольф затруднялся выразить самые элементарные концепции. Таблицы были чрезвычайно полезны, но чинить часы с помощью разводного ключа было бы проще, чем точно передавать осмысленные сообщения с помощью кодов Барнетта.

«Сложная... мысль... Моя категория... принести... вас... это место... Строить... думать... вас... сильнее».

По косяку сардин пробежала неожиданная волна, серебристые бока рыбок одновременно заблестели. Ридольф прислушался: где-то шумел винт лодочного мотора. Ридольф поднялся на поверхность: действительно, не дальше, чем в ста метрах от него двигалась веселая лодка с подвесным мотором. Человек в лодке заметил Ридольфа, повернулся и поднял одной рукой длинную трубу с прикладом. Ридольф тут же погрузился в воду.

Мотор шумел ближе, громче. Черное днище небольшой лодки нависло над головой Ридольфа.

Магнус Ридольф повернул до упора регулятор привода. Струи воды вырвались из ранца скафандра, распугивая рыбу, и Ридольф отплыл от лодки по диагонали.

Лодка быстро повернула, не отставая от него. Мотор выключился, лодка замедлилась. Под поверхность воды просунулась труба, направленная на Ридольфа. Труба вздрогнула, и к Ридольфу устремился небольшой снаряд, оставлявший за собой хвост пузырьков.

Магнус Ридольф срочно бросился в сторону – струи привода скафандра подхватили снаряд и слегка изменили его траекторию. Позади раздался чудовищный взрыв – Ридольфа оглушило, как ударом кувалды. Лодка снова переместилась и нависла прямо над ним.

Часто моргая, Магнус Ридольф тряс головой. Развернувшись в воде, он стал подниматься к лодке по диагонали. Оказавшись у днища, Ридольф занял позицию под бортом, упираясь в корпус лодки шлемом, и включил привод скафандра на полную мощность – легкая лодка перевернулась. В воде неуклюже барахталась темная фигура, выпавший гранатомет быстро утонул во мраке морских глубин. Наполнившись водой, лодка опускалась туда же.

Поднявшись на поверхность, Магнус Ридольф безмятежно наблюдал за тем, как Нэйл плыл к берегу. Лаборант плохо плавал, а до берега было не меньше полутора километров. Даже если бы Нэйлу удалось выбраться на сушу, ему предстояло пробираться несколько километров по болотам, прежде чем он смог бы вернуться к консервной фабрике. Уже через несколько секунд Магнус Ридольф нырнул и вернулся к огромной белой стене подводной крепости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.